

kassyi

БЖД

#игрушечная|фантаσμαгория

kassyi БЖД

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713649
ISBN 9785447458980*

Аннотация

Люди, которые создают кукол... Люди, которые пишут картины... Люди, которые сочиняют музыку... Те люди, которые ходят по грани, сами не зная об этом. И призрачный бестиарий, жадно следящий за каждым шагом тех, у кого есть душа...

Содержание

Часть 1	5
Странный заказчик	5
Выбор шарнирки	23
Ничто	29
Фото и Шляпа	31
Война до «расчлененки»	39
Ничто	46
Признаки призраков	48
Ничто и нечто	56
Обрывок страницы	57
Перспективный дурналист	59
Дядя Мотя	63
Бабулькины игрушки	68
Часть 2	72
Восторг любви	72
Ничто и нечто	84
Все люди братья, все бабы сестры...	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

БЖД
#игрушечная|
фантазмагория
kassyi

© kassyi, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*Они говорили всю ночь; я говорил, как все.
Но правду сказать, я не знаю, о чем шла речь:
Я был занят одним,
Тем, насколько ты близко ко мне
«Аквариум» – «Яблочные дни»*

Странный заказчик

Я не получаю удовольствия от секса. Вот такая вот беда. Хотя на самом деле это вовсе не беда. Потому что я не испытываю неудовольствия от того, что не получаю удовольствия от секса. Понимаю, эта конструкция может выглядеть весьма сомнительной, вроде ломающих восприятие иллюстраций Эшера, но, тем не менее, дела обстоят именно так.

И – нет, спасибо, я не больна. У меня не было тяжело-го детства. Меня не насиловал отчим-педофил или компания пьяных старшеклассников в лесочке. У меня не было деструктивных отношений с мужчинами или женщинами. У меня все в порядке. У меня было шикарное и счастливое, типично советское детство, полная семья, отдых на море и на даче у бабушки, достаточно легкое взросление, без большинства типичных подростковых проблем, связанных в основном с прыщами и стремлением быть «как все» и «не как

все» одновременно. Кстати, если вам интересно (а я уверена, что уже интересно), первый секс у меня случился тогда же, когда и у большинства недружелюбных компанийских девчонок — после школьного выпускного. И тогда же мне стало ясно, что значимость этого удовольствия несколько преувеличена, по крайней мере, для меня.

Собственно, в жизни хватает других удовольствий, помимо утомляющих и зачастую нелепых телодвижений, к тому же зачастую сопряженных с риском получить чуть меньше восторга и чуть больше проблем, чем ожидалось. Разумеется, данный тезис в основном относится к женщинам, и примером тому мои разведенные подруги с детьми. Как говорится, цирк уехал, а клоуны остались, их нужно кормить, поить, отправлять в школы, секции и вузы, и, разумеется, искреннее любить изо всех сил. Что совсем не мешает столь же искренне и изо всех сил ненавидеть распорядителей цирка, а проще говоря, бывших мужей, трясти с них алименты, бесконечно судиться и «пилить ковер напополам». Смотреть на все это со стороны бывает довольно забавно. Волей-неволей иногда думается, что если бы в моменты принятия важных решений была возможность выпить волшебную таблетку и временно отключить беснующиеся гормоны, существование в этом мире стало бы намного приятнее и проще, причем как для женщин, так и для мужчин.

Не делайте из всего сказанного выше поспешный вывод, что я муже- и семьененавистница. Ничего подобного! Я про-

сто рациональна. Пугающе рациональна, «хуже Холмса», как часто упрекает меня моя младшая сестра. Вот уж кто настоящий спец по удовольствиям, никак не связанным с интеллектуальной или творческой деятельностью! Здесь, по идее, должен стоять «смайлик», представим, что он здесь и стоит. Итак, я пугающе рациональна, мне тридцать шесть лет, я, разумеется, не замужем и бездетна. Моя немногочисленная родня и многочисленные подруги уже давно отстали от меня со всеми своими «с». То есть с сочувствием, советами и страшилками об «одинокой старости» и «стакане воды».

К тому же в свои тридцать шесть я выгляжу от силы на тридцать, причем для тех, кто знает, что мне тридцать шесть. Кто не знает – думают, что мне чуть за двадцать. Причиной тому, конечно же, моя весьма своеобразная внешность. Я далеко не красавица. И никогда не была. Но я всегда и везде привлекаю к себе внимание, напоминая, как говорит одна моя одинокая подружка-искусствовед, персонажа заднего плана с полотен великих мастеров. «У тебя одно из тех лиц, которые хочется разглядывать», – обычно добавляет она. Ну что ж, пусть так. Вот и разглядывают. Везде и всюду.

У меня очень черные, без признаков седины, густые коротко стриженные и постоянно стоящие торчком волосы. При этом водянисто-голубые, почти бесцветные, узкие глаза. Полное отсутствие бровей, выгорели напрочь еще в раннем детстве после дурацкого несчастного случая с химиче-

ским экспериментом. Очень белая, цвета чистого мела, кожа лица, по форме смахивающего на перевернутый острием вниз равнобедренный треугольник с очень широким основанием-лбом. И откровенно лопухие полупрозрачные круглые уши, которые не прикроешь никакой прической. Да я и не стремлюсь, мне мои уши нравятся. Морщин на физиономии у меня практически нет, как нет и других стандартных проблем женщин «сильно за тридцать», типа лишнего веса, варикоза, гастрита и прочих сомнительных прелестей среднего возраста. Хотя шея и руки у меня, бывает, побаливают. И очень устают глаза. Но тут грех жаловаться, потому что в данном случае тезис о том, что боль – это плата за удовольствие – работает на все сто процентов.

Мое удовольствие – моя работа. Я художница, точнее, я художник-кукольник. Делаю кукол. Самых разных. Занимаюсь этим с тех пор, как себя помню и как смогла взять в руки пару палочек и лоскут, соорудив из этих убогих деталей свою самую первую куклу-принцессу. То, что палка с рваной тряпкой на самом деле – сияющая девочка в шелковом платье и с маленькой короной на золотых волосах, разумеется, было понятно только 3-летней мне. Но с тех пор я далеко продвинулась, и опознать в моих куклах задуманного персонажа даже без обязательной таблички с названием сегодня сможет и взрослый, и ребенок. Правда, сиропно-ванильными принцессами и принцами я больше не увлекаюсь. Этот период у меня закончился лет этак двадцать назад, сменив-

шись сначала антисказкой, затем суровым реализмом, после этого была эклектика и стилизация, плавно перетекшая в суровый антисказочный стилизованный реализм с элементами эклектики. Как вы, наверное, уже догадались, весь этот трескучий бред породила подружка-искусствовед, недавно написавшая статью о моих работах в один пухлый и экстремально глянцевоый журнал. Собственно, с ее статьи все и началось.

Точнее, все началось с того, что у меня в очередной раз кончились деньги. То есть совсем кончились. Напрочь. Для тех, кто в танке, поясню: куклоделие, как, впрочем, и многие другие виды искусства, приносит своим адептам целые моря и океаны удовольствия, самореализации, восторга и прочих ментальных пряников, но практически не приносит пряников материальных. Обычно меня это не сильно беспокоит, по тем же причинам, о которых я говорила выше. Прокормить одну себя и трех кошек не так уж и трудно. Тем более что я в месяц съедаю меньше, чем мои кошки в неделю. Шутка! Получается примерно одинаково. И, чего уж там, были в моей биографии «веселые» периоды, когда я за компанию с кошками трескала кошачий корм. Больше нечего было.

Но сейчас проблема заключалась в том, что и кошачий корм скоропостижно кончился. Погиб смертью храбрых, когда я недостаточно крепко затянула пакет и три мои хвостатые дурынды радостно устроили себе лукуллов пир. После чего, само собой, мучительно и вонюче облевали всю мою

малогабаритную убогую квартирку на первом этаже последнего дома у леса. Да, у меня три кошки и я живу на первом этаже дома, построенного на самой окраине. Окна моей берлоги выходят прямиком на ближний лес с болотом. Туда я и уставилась мрачным взором после генеральной уборки кошачье-кишечного безобразия. Подобьем баланс: звериного корма нет. Человечьего корма хватит дня на два, если не считать НЗ из ведра картошки и килограмма сахара. Интересно, из картошки варенье варят? А едят ли кошки варенье из картошки? Ладно, хватит играть в Алису, едят ли мошки кошек...

Из плюсов: за квартиру, свет, газ и иные приятности цивилизованного быта заранее заплачено, хотя бы тут меня не ждут сюрпризы. Из минусов: в данное время заказов нет и не предвидится. Заказов, разумеется, не на кукол. Тут я уже давно вывела для себя непреложное правило: куклы на заказ не делаются. И точка. Куклоделие – процесс настолько захватывающий и, чего уж там, интимный, что участие в нем «третьих лиц» для меня категорически исключено. Проще говоря, мне со своими бы тараканами совладать, не хватало еще чужих приваживать. Думая о заказах, я имела в виду свой отхожий, прости господи, промысел – дизайн интерьеров. Я ведь все-таки дипломированный художник, с образованием и целым «портфолио» завершенных проектов, менеджер меня заешь!

Клиентов мне обычно поставляла сестрица – из сонма ее

богатеньких приятельниц и приятелей. Кого-нибудь периодически подбрасывали друзья-подруги. Временами клиентурой разрождался мой полуживой сайт или аккаунт в соцсетях. Иногда интерьерным клиентам сильно чесалось приобрести какую-либо из моих кукол. Ну что ж, ура, я не против, утром деньги – вечером кукла. Заодно и в хате, похожей на разбомбленный театральный фургон, тайно согрешивший с лавкой игрушек и кельей алхимика, становилось свободнее, а денежек становилось чуть больше. Конечно же, мои куклы продавались и сами по себе, но не так часто и не так успешно, как интерьеры. Короче, дальнейший план ясен: для начала надо вешаться на телефон и звонить сестре. Вдруг одной из ее многочисленных гламурных дам срочно требуется стильное обновление дома и услуги профессионального дизайнера?

Мыслишку о том, что в крайнем случае можно просто попросить у Лильки в долг, я старательно загоняла на периферию сознания. Нет, долги я всегда возвращаю, это принцип, но просить – не люблю. Последний раз крупно одалживалась лет десять назад, как раз когда покупала эту убогую квартиру. Денег от продажи бабушкиного похухлого деревенского дома с трудом хватило на жилплощадь. А вот на полноценный ремонт сырого помещения с плесенью, грибком и бродившими вдоль стен наглыми крысьюками пришлось занимать у тогдашнего мужа сестры. Долг я вернула сестрице уже после их развода и понятия не имею, рассчиталась

она с бывшим или нет. Скорее всего, нет. К чему возвращать мужчине такую мелочь, после того как, не поморщившись и не подавившись, откусила от него двухэтажный особняк, автомобиль и здоровенный ломоть нервных клеток? Люблю я свою сестру, в нашей семье все хватательно-рвательные рефлексы пришлись на ее долю, и как же я ей за это благодарна!

Так, где мобильник? В том бардаке, который, совершенно независимо от моего желания, полновластно царствует в квартире, заваленной готовыми куклами, куклами «в процессе», куклами «не знаю как тебя доделать», куклами «да чтоб тебя убогую» и материалами для кукол, одежды кукол, обуви кукол, мебели кукол, et cetera... В общем, в этом бардаке крайне трудно найти нужную вещь. После десятиминутных методичных поисков пыльный, с белесыми отпечатками кошачьих лап телефон обнаружился под упаковкой папье-маше на комод. Набираем Лилькин номер... «Недостаточно средств». Вот ведь задница осла как не вовремя пришла! Ладно. Откопаем домашний телефон и позвоним оттуда.

– Але, Лиля?

– Идка! Чтоб тебя, куда пропала? С утра тебя ищу! – Голос любимой сестры Эмилии, сиречь Лильки, был одновременно радостным и раздраженным. – Твоя культурная подруга Лерка достала меня до поджелудочной, почему ты на звонки не отвечаешь, у нее для тебя хорошие новости...

– Лиля, немедленно угомонись! – Если вовремя не за-

ткнуть фонтан сестрицыного красноречия, я утону ненужных деталях и бессмысленных эмоциях, как моя единственная комнатка тонет в куклоделии. – Помолчи минуту и послушай. Мне надо бы с тобой встретиться...

– Нет, это мне надо с тобой встретиться, – перебила сестра, – причем срочно!

– Что случилось? – встревожилась я. В прошлом «срочные встречи» с Лилей заканчивались, в порядке очереди: сообщением о беременности, сообщением о замужестве, сообщением о разводе, сообщением о втором замужестве. Одним словом, сплошные эмоции и никакой логики.

– У тебя заказчик, богатый, срочный, какой-то очень непростой дядька с большими бабками и... как это? Концептуальным проектом! Вот! – выпалила Лиля на одном дыхании. – Короче, сейчас я ловлю его в центре и быстро везу к тебе!

Ко мне? Да она точно рехнулась! Ни один заказчик даже близко бы ко мне не подошел, если бы увидел своими глазами, как я живу.

– Сестрица-острица, ну-ка притормози коней! Что за бред? Ты же знаешь, я встречаюсь с клиентами только на нейтральной территории, иначе, сама понимаешь...

– Да все я понимаю, только это не тот клиент... Откуда ты мне вообще звонишь? Номер не определяется! Ты дома вообще или где? Куда тебя вечно уносит? Когда надо, не доискаться...

Я вздохнула, прикрыв трубку ладонью. Из нас двоих именно я – адекватное звено в цепи. Но Эмилия, будучи младше меня почти на восемь лет, твердо убеждена, что Ираида – дитя неразумное и бессмысленное, способное только на странные художества и не менее странные поступки.

– Я звоню тебе из дома, – громко и по слогам выговорила я в трубку. – Просто у меня кончились деньги на мобильнике и звоню с домашнего. Не надо никого ко мне везти. Встретимся, как обычно, в кофейне...

– Так, бабла на мобилу я тебе уже кидаю, – как всегда не дослушав, отозвалась сестра. – Мне не звони, я уже за рулем, а наушник забыла... Сам козел! – яростно выкрикнула она кому-то на парковке. – Короче, слушай по-быстрому! Этот хрен хочет заказать тебе какую-то офигенную куклу со всеми прибабасами, ну, шмотки там, ботинки, антураж, в общем, сплошной ол инклюзив. А денег у него, если верить твоей Валерии, как у дурака фантиков, он про тебя в журнале прочитал какую-то ее статью...

Теперь уже я толком не слушала. Просто не верила своим лопоухим ушам. Заказать куклу? Мне?! Я не делаю кукол на заказ! Лерка, наверное, окончательно двинулась своей и так неплотно подогнанной крышей, если отправила ко мне такого заказчика...

– ...в пробку не встрянем на переезде, то будем у тебя минут через сорок, жди! – Донесли до меня заключительные приказы Лили, сменившиеся короткими гудками. Я обалде-

ло посмотрела на трубку телефона, словно ожидая увидеть там логичное объяснение происходящему, и аккуратно положила ее на место. Так. Денег на мобильник мне, бедненькой, уже подбросили, сейчас я, пожалуй, вытрясу из Валерии всю ее искусствоведческую душу...

Через пятнадцать минут, все еще в некотором обалдении, я принялась распахивать куда ни попадая, лишь бы с глаз долой, свои домашние завалы. Из сумбурной беседы с Лерой вырисовывался единственный логичный вывод: придется встречаться с клиентом. Предполагаемый заказчик куклы действительно очень непростой, мужчина «видный, с большими запросами», как, помявшись, охарактеризовала его Лера, сразу же рассыпавшаяся в извинениях за то, что посягнула на мои «священные принципы творчества». Из разговора также выяснилось, что никаких интерьерных клиентов для меня сейчас ни у кого нет. И вряд ли в ближайшее время будут: осень на носу, «мертвый» сезон.

Оказалось, что Лера, поговорив с загадочным мужчиной еще три дня назад, пообещала ему связаться со мной, но не смогла. На звонки я не отвечала, а когда она приехала на мою окраину, дома меня не застала. Ну, да, с очевидностью не поспоришь. На звонки я не отвечала, потому что на мобильнике кончились деньги, моего домашнего номера у нее нет, а когда она приезжала, я как раз убрела гулять в лес после двухдневного «кукольного запоя».

Нет, я не бухаю, даже не надеюсь. Просто слово «запой»

наиболее точно обозначает состояние, в котором я нахожусь, вылепляя очередную куклу. Можно, конечно, использовать более пафосное «вдохновение», но... это не вдохновение. Это именно «запой». Хотя, наверное, подобные ощущения испытывают и те, кто прыгает с парашютом. Просто ты вдруг – раз! – и летишь, и не можешь остановиться, и только ветер свистит вокруг, а успешность приземления зависит исключительно от твоего умения и мастерства...

Кстати, такое со мной бывает нечасто. Пожалуй, только процентов десять из всех моих кукол – плоды успешных «запоев». Самое обидное, что это совсем не обязательно лучшие куклы. Но самые любимые – это точно. Когда я смотрю на них и вспоминаю, как их делала, то почти верю в то, что где-то существуют иные миры, похожие и непохожие на наш, и оттуда к нам тайком просачиваются неведомые гонцы, которым жизненно необходимо рассказать нам что-то очень и очень важное... А я – их единственный проводник и попутчик в нашем мире... Мда. Псевдомистическая чушь! Милая, безобидная, в меру таинственная, такая вся из себя стерильная, пригодная лишь для маленьких романтических девочек с претензией на «загадочность».

В общем, возвращаясь в текущий момент: не найдя меня, Лерка «достала» Эмилию, та, в свою очередь, зная о моих «запоях», уже собралась ехать сюда и караулить меня у дверей, но тут я объявилась собственной персоной. Пазл сложился. И все было бы просто прекрасно, если бы за-

казчик хотел от меня не куклу, а дизайнерский проект интерьера. Кукла на заказ... Последний раз я пыталась смастерить заказного персонажа примерно двенадцать лет назад и все кончилось не то, чтобы плохо... Скорее, никак. Куклу я сделала, клиент даже был доволен... Но... очень большое и очень больное «Но!... Для меня эта кукла в какой-то момент превратилась в нелюбимого чужого ребенка. Не знаю, почему это произошло, но доделывала я ее, что называется, в день по чайной ложке, буквально переламывая себя через колено, проклиная все на свете и вымучивая из себя хоть какие-то «живые» детали...

В дверь позвонили. Мои кошки тут же устремились в коридор, предвкушая приход гостей, ласковое сюсюканье, возможные аппетитные вкусняхи и чесание за ухом вплоть до полного изнеможения. Может, шугануть нахалок? – задумалась я, направляясь вслед за кошками. Одно дело, когда свои приходят, ко всему привычные, а тут все же незнакомый человек, клиент. Додумать эту правильную мысль до конца я не успела, потому что Шляпа, Морковка и Рыба внезапно синхронно развернулись хвостами к двери, вздыбили загривки и, обтекая мои ноги с двух сторон, рванули на кухню, где тут же залезли на самую верхотуру и спрессовались там в разноцветный пушистый ком. Интересно, чего это с ними? Опять, что ли, чокнутая соседка лестницу хлоркой засыпала? Так вроде старушка еще с дачи не вернулась... Ладно, спряталось зверье – оно и к лучшему, вдруг у чело-

века аллергия на кошек? С этой мыслью я решительно распахнула дверь перед Эмилией и неожиданным заказчиком.

Нет, аллергии на кошек у него быть не может, размышляла я через пару минут, проводив гостей в единственную комнату. Вряд ли у него может быть вообще хоть что-нибудь, типа насморка, синяка или случайной царапины. Пожалуй, впервые в жизни мне встретился человек, столь... законченный... Завершенный... Словно яйцо или капля воды. Идеальное лицо. Идеальная прическа. Идеальный парфюм. Идеальный костюм. Обычно такими делают фарфоровых кукол, этих небожителей игрушечного мира, невозможно, отточено и волшебно прекрасных. Впрочем, когда он заговорил, впечатление смазалось. Голос у него, когда он пробормотал приветствие, оказался глухим и невнятным, как размокшая под дождем записка, когда ты скорее угадываешь слова, а не читаешь их. И зубы. Зубы были откровенно ужасны. Желтоватые, кривые, такие зубы ожидаешь увидеть во рту заспиртованного грязного бродяги, а никак не отглаженного гламур-мэна. К тому же сквозь роскошный аромат его одеколона едва заметным, но тревожащим диссонансом пробиравался другой, гораздо менее приятный запах... Чего-то подгнившего или, как минимум, залежавшегося и давно не мытого... Хотя, учитывая мой первый этаж и очевидную близость к подвалу и болоту, неприятный запахок, скорее всего, шел не от гостя, а из открытой форточки.

– Станислав, знакомьтесь, это моя сестра Ираида, лучший

в мире художник-кукольник! – без долгих церемоний приступила Лиля к процедуре знакомства. – Ида, это Станислав, он просто мечтает, чтобы ты сделала для него потрясающую куклу, ну, такую, как ты умеешь.

– Станислав, эээ.. Видите ли... – начала я, внутренне прокляв сестру и отчетливо чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

Я всегда встречаюсь с интерьерными клиентами и с покупателями кукол на нейтральной территории. В кафе, в галереях, у них дома, да даже в метро или на улице – где угодно, только не у себя. Как ни банально это прозвучит, но мой дом – моя крепость, я допускаю сюда только проверенных и любимых людей, а присутствие чужака сразу же выбило меня из колеи, словно улитке сломали удобную привычную ракушку.

– Идка, не парься! – Решительно вклинилась между нами Эмилия. – Я уже все выяснила, давай я тебе все по-быстрому объясню, а Станислав проследит, чтобы я чего не упустила. Станислав, давайте фотку! – бодро скомандовала она.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – вспомнила я о правилах вежливости и указала предполагаемому заказчику на стул. Прежде, чем сесть, он долю секунды изучал предмет мебели, будто видел такое впервые. Похоже было, что за время поездки Лиля успела капитально его обработать, завалив вопросами, восклицаниями, ненужными сведениями и прочей шуршащей шелухой, которая всегда сопровождает беседы с ней.

– Вот! – Сестра сунула мне в руки замызганную фотокарточку. – Он хочет, чтобы ты сделала куклу по этой фотке!

О боже! Еще и портретная кукла! Вот этим я вообще никогда не занималась, потому что не хотела и не видела смысла. Чем вообще думала Лерка, направляя ко мне этого заторможенного? Я не делаю кукол на заказ, я не делаю портретных кукол, она же сама писала об этом в своей чертовой статье! Однако фотография меня неожиданно увлекла. На карточке, которая оказалась не замызганной, а просто очень и очень старой, антикварной, был изображен невысокий изящный мужчина лет тридцати и маленькая девочка в пышном кружевном платье. Девочке на вид можно было дать года три или четыре, но что-то с ней было не то. Присмотревшись внимательнее, я внутренне ахнула: ребенок был мертв. Стопроцентно и несомненно. Да, мужчина держал ее за руку, да, другой рукой она прижимала к себе одноухого плюшевого зайца, ее пухлые ножки, обутые в лакированные ботиночки, упирались в пол, бант на ее кудрявой голове был огромным и праздничным – но девочка была мертва.

– Вы что, хотите, чтобы я сделала вам этого ребенка? – Произнесли мои губы, а моя голова запоздало вздрогнула от комической двусмысленности фразы.

– Да нет же! – Лиля сегодня была явно в ударе, не давая клиенту вставить ни слова. – Он хочет вот этого мужика, этого его дед что ли...

– Прапрадед, – невнятно заговорил Станислав, оглядываясь вокруг. – Мне нужен он, а не девочка.

– Девочку я и не стала бы делать ни за какие деньги, – глядя ему прямо в лицо пообещала я. – Девочка мертва...

– Как – мертва?! – Переполошилась Лилька и с ужасом уставилась на Станислава, прижав руки ко рту. – Как – мертва?!

– Лиля, присядь куда-нибудь и успокойся, – посоветовала я ей. Конечно же, сестрица ознакомилась с фото, но, как всегда, не увидела там ничего интересного. Ее полнейшее равнодушие ко всему, что не касалось ее лично, было удивительным и абсолютно искренним. Она вполне была способна не заметить даже стадо слонов, если это стадо ей не было нужно в данный момент. Но сейчас, пораженная моими словами, она действительно села на диван и замолчала.

– Вы не шокированы. – Предполагаемый клиент не спрашивал, а утверждал.

– Я ведь художник, – пожала я плечами. – Приходилось видеть мертвых и делать зарисовки. Кроме того, мне известно о моде прошлого, а, простите, уже позапрошлого, века на фотографии с умершими членами семьи, в первую очередь с детьми. Смерть меня не пугает. Никто не живет вечно.

– Да. – Станислав теперь беззастенчиво рассматривал меня. К пристальным взглядам я уже давно привыкла, но от его равнодушного взора мне стало не по себе. Чем-то его глаза напоминали маленькую покойницу с фотографии. Жиз-

ни в них было не больше, чем в несчастном ребенке, закрепленном на железном штативе в карикатурном подобии счастья. — Вы сделаете куклу?

Выбор шарнирки

В итоге я согласилась. И основную роль в моем согласии сыграла причина самая очевидная и примитивная, а именно – деньги. Я не люблю торговаться, хотя частенько приходится, но в данном случае странный заказчик сходу назвал такую сумму, на которую мне без проблем удалось бы прожить как минимум полгода. А то и дольше, если не возникнет непредвиденных расходов. Тем не менее, признаюсь честно: если бы у меня была самая призрачная возможность подзаработать где-то еще, я бы отказалась, несмотря ни на какие деньги. Разговор со Станиславом, кстати, я так и не выяснила ни его отчества, ни фамилии, был тягучим и муторным, словно прокисшая овсянка. И оставил такое же мерзкое послевкусие.

Слова из него приходилось тянуть чуть ли не клещами, иногда мне казалось, что он вообще не понимает сути моих вопросов или не желает давать нормальные ответы. Он повторял, как заклинание, – «На ваше усмотрение». Делать куклу из запекаемого пластика или из самозатвердевающего? На ваше усмотрение. Объяснить вам разницу в материалах? На ваше усмотрение. Может быть, сделать из папье-маше? На ваше усмотрение. Или из фарфора? На ваше усмотрение. Из холодного фарфора? На ваше усмотрение. Желаемые размеры куклы? На ваше усмотрение...

Единственный раз он слабо оживился, когда я пыталась понять, хочет он статичную куклу или подвижную, игровую. Вытащив из внутреннего кармана пиджака статью Леры, варварски выдранную из журнала, он молча показал мне неряшливо обведенную красным маркером иллюстрацию. Это была моя Королева-горбунья, проданная несколько лет назад частному коллекционеру костюмная БЖД-кукла с восемнадцатью шарнирными соединениями. Одна из моих первых шарнирок, сделанная как раз в состоянии «запоя», накрывшего меня тогда на добрых полторы недели, в течение которых я не могла толком ни есть, ни спать, ни думать о чем-либо, кроме прекрасной женщины с уродливым телом химеры и лицом обиженной девочки.

– Вот такое, – пробормотал Станислав и указал на картинку длинным пальцем с синюшным ногтем. То ли мне показалось, то ли случайный ветерок вновь задул в форточку подвально-болотные миазмы, но гнилостная вонь в этот момент явно усилилась. – Такое...

– А, – с некоторым облегчением кивнула я, стараясь не дышать носом, – вы хотите шарнирку?

– Лучше всего вот такое, – повторил он и нервно дернул подбородком, как будто ставя точку в пожеланиях. – Извините, мне пора, я очень тороплюсь, меня уже ждет такси. Все на ваше усмотрение, вот задаток, моя визитка, я полностью доверяю вашему мастерству... – Невнятной скороговоркой выталкивая слова из странно потемневших губ, он кинул

на стол пачку бумажек, деревянно поднялся со стула и трясущейся походкой поспешно направился к выходу. – Извините, очень тороплюсь, машина ждет, много дел, все на ваше усмотрение, полностью доверяю...

С этими словами он, едва не сломав дверной замок, вышел, а точнее, почти выбежал из квартиры, оставив меня и Эмилию в состоянии безбрежного недоумения.

– Ид, что это было? – Спросила сестра, брезгливо отталкивая от себя рассыпавшиеся по столу купюры и старинное фото с мертвым ребенком.

– Это я, моя дорогая, должна у тебя спросить, что это было, – максимально спокойно ответила я ей, выудив фотографию из кучи купюр и пристраивая ее за стекло книжного шкафа, чтобы не потерялась и не разодрали кошки. Взяв визитку, оставленную сбежавшим клиентом, я с удивлением обнаружила, что на ней нет ничего, кроме электронного адреса – busincu@gmail.net – напечатанного, к тому же, с явной ошибкой в домене первого уровня. Бусинку-собака-гм-эйл-точка-нет? Да действующий ли это адрес?

Впрочем, после беглого пересчета купюр вопрос с нелепым адресом отошел на второй, а то и на двадцать второй план. Денег было не просто много, а очень много.

– Лиля, это не задаток, он кучу бабла оставил...

– Ой, да брось! Ты куч и не видела в своем нищесбыродстве, – беспечно отозвалась сестра, как обычно, моментально переключаясь на хорошее настроение при виде денег. –

Что ты понимаешь! Богатый чувак, с запросами. Потом еще больше отвалит. Ладно, я тоже поехала, у меня забот полон рот, не скучай, пока!

Я махнула ей рукой, но ничего не ответила. Складывая ку-пюры аккуратной ровной стопочкой, я размышляла, будет ли какое-нибудь «потом». Станислав, как там его по батюшке, да заодно уж и по матушке, сбежавший, как будто за ним гнались все черти ада, обеспечил меня материально и при этом не учил жить, милостиво повелев делать все «по моему усмотрению». В конце-то концов, сердито подумала я, а что я теряю-то? Да если пораскинуть мозгами, это же просто мечта любого кукольного мастера! Мне оставили кучу денег и ничем не ограничили в плане реализации заказа. Делай, что хочешь, лишь бы кукла была шарнирная и похожа на фотопортрет. А сбежать, кстати говоря, он мог просто потому, что действительно торопился. Или потому, что одурел от моего бардака. Или потому, что в доме действительно воняет. До сих пор воняет чем-то на редкость противным. Наверно, в подвале сорвали замок и опять поселились бомжи...

Был и еще один нюанс, о котором я пока старалась не думать, чтобы не спугнуть: в кончиках пальцев я ощущала знакомое щекотное покалывание. Руки хотели делать эту куклу, в голове уже начали мелькать неясные образы и отдельные четкие картинки. Рельефный кусочек высокой скулы, внешний угол глаза, едва заметная складочка меж бровей, фаланга безымянного пальца... Главное для меня в таком состо-

нии – не пытаться фиксировать замеченное, а просто дать ему протечь сквозь себя, словно воде сквозь фильтр. Тогда, через день, через два, а может и через неделю или месяц, образ сложится в четкую фигуру – и можно приступать, уже не боясь прогнать робкого призрака.

Кошки отважились вернуться в комнату из кухни только поздно вечером. Тревожно шипя и прижимая уши, они, тем не менее, решительно оккупировали диван, который я застилала постельным бельем для отхода ко сну. Странно, обычно мои засранки предпочитают дрыхнуть общей лохматой кучей на широком подоконнике или на неработающем сто лет телевизоре. Но сегодня Шляпа, Рыба и Морковка облепили меня со всех сторон и явно собрались спать вместе с хозяйкой. Да и пусть. Теплее будет.

Выключив свет и уже засыпая, мне вдруг подумалось: а когда это сбежавший Станислав вызвал такси? Никто ему не звонил и не сообщал о прибытии машины. Додумать мысль не получилось – я заснула. Как обычно, мне снилось что-то невероятное, но я никогда не помню своих снов...

Мадам Дроссельмейер

Ираида Щецинская – имя, «широко известное в узких кругах». Встретив эту невысокую скромно одетую женщину на городской улице, вам едва ли придет в голову, что перед вами один из наиболее плодovitых и оригинальных художников

своего поколения, поколения постсоветской разрухи, профессиональное становление которых пришлось на «лихие 90-е». Она прошла через все: нищету, невозможность полноценной работы по специальности, презрение выживающего любой ценой обывателя к хрупкой творческой личности, непонимание близких... В отличие от многих других, она не сломалась.

Как стойкий оловянный солдатик, мечтающий о своей балерине, Ираида сумела преодолеть все преграды и стать, без преувеличения, одним из самых самобытных и узнаваемых кукольных мастеров на просторах бывшего СССР. Ее работы занимают почетные места в кукольных галереях и музеях. Куклы Щецинской заслужили признание как в профессиональной среде, так и в среде коллекционеров и простых любителей древнего искусства куклоделия.

Пройдя через юношеское увлечение сказочным идеализмом (см. фото 2, 3) и решительно отказавшись от него в пользу бытовой антисказки (4,5,6), Ираида несколько лет работала в манере сурового реализма (7,8), ожидаемо сменившегося эклектикой и стилизацией (9—11). Сейчас ее узнаваемый авторский стиль можно охарактеризовать как суровый антисказочный стилизованный реализм с элементами эклектики (12—14). Впрочем, сама Ираида не любит громких слов, считая их всего лишь...

Ничто

Ветер трепал обрывок бумаги, играл с ним, словно шаловливый котенок. Подбрасывал, ловил, отпускал, снова хватал и яростно бил по рваному клочку мягкими безжалостными лапами. Обрывок чужого непонятного ветру мира людей крутился, летел, пытаясь вырваться из цепких лап, но все было напрасно. Ветер не хотел отпускать свою случайную игрушку. Другие клочки бумаги, оторванные от большого листа с буквами и яркими картинками, уже были побеждены и покорно мокли в луже на асфальте. Но последний обрывок еще сопротивлялся, уворачивался, старался зацепиться то за ветку дерева, то за шершавую стену дома или гладкий бок автомобиля... Глупый клочок ненужных слов! Все закончится так, как должно: его швырнет на землю, где грязь и вода быстро обратят слова в ничто...

Все же успело... Ничто все же успело сделать то, за чем явилось в этот город... Тонкая ниточка, на краткий срок связавшая ничто с материальным миром, продержалась до момента встречи с мастерицей. Удалось! Впервые за долгие годы – успех! Если бы ничто умело радоваться, то сейчас оно хохотало бы и било в ладоши. Мастерица найдена, черед небывалых совпадений помогла отыскать в этом мире как раз того, кого надо... И то, что она глупа и не знает собственной силы, пожалуй, даже к лучшему... В прошлые времена

ведьмы не были столь самонадеянны и наивны... В прошлые времена ничто ни за что не сумело бы обмануть даже самую слабую ведьму таким грубым и дурнопахнущим способом... Даже кошки сейчас уже не те, мерзкие твари просто сбежали, не пытаясь дать достойный отпор... Ничто растворялось в ветре, без сожалений и страха, свойственных смертным. Она сделает то, что нужно... О да, эта – сделает... Несомненно... И, может быть, у нее получится остаться в живых... Хотя... Кто знает...

Фото и Шляпа

– Да, а еще, будьте добры, пачку самых дешевых презервативов, две банки серной мази, нашатырь, визин, кору дуба россыпью и вот такой же крем для рук, – я просунула в окошечко помятый тюбик, чтобы дородная женщина-фармацевт могла прочесть название.

Вообще, открою вам страшную тайну: аптека, барахолка, хозмаг и помойка – настоящие клондайки для кукольников. Не перечислить, сколько нужных и полезных в куклоделии материалов и инструментов покупается, подбирается и разыскивается в этих волшебных местах. Сколько чудесных тканей, пуговиц и деревяшек я притаскивала домой со свалки! Сколько полезных штукочин можно надыбать на блошином рынке! Я уж не говорю о магазинах медтехники! Там можно торчать часами, выбирая скальпели, гладилки, пинцеты, зажимы, щипчики, шлифовальные зубоврачебные диски... Правда, в отличие от помойки и барахолки, посещение таких магазинов, как правило, влетает в копеечку. Но сейчас, имея на руках кучу денег от загадочного заказчика, я могла бы себе это позволить. Как и дорогуший крем для рук, который покупаю крайне редко – жаба душит. Зато этот крем моментально убирает сухость, трещины и раздражения на коже, неизбежно возникающие от интенсивной лепки.

А в том, что мне снова предстоял период интенсивной

лепки, я ни минуты не сомневалась. Удивительное дело: заказ, принятый исключительно и только из меркантильных соображений, внезапно превратился в увлекательный творческий проект. Меня одолевали образы. Даже не одолевали – атаковали! Брали на абордаж, на измор, выглядывали из-за каждого угла, дразнили, звали за собой. Пробегавшие перед внутренним взором детали будущей куклы становились все четче, яснее, полнокровнее, обрастали мельчайшими подробностями. Так мать знает каждый сантиметр тела своего ребенка. Так страстные любовники наизусть помнят каждую родинку, впадинку и ложбинку...

Фотографию моей модели я изучала внимательнее, чем эксперт-криминалист изучает улики. Качество было не очень. Старинная фотобумага потемнела и пожелтела, по краям пошла частыми трещинами и уродливыми коричневыми пятнами. Не понять было, что находится на заднем плане – драпировки или огромное кресло, а, может быть, и то, и другое, или вообще кровать с балдахином? Но фигуры мужчины и мертвой девочки сохранились вполне прилично. Первым делом я на максимальном разрешении отсканировала фото, причем как лицевую, так и обратную стороны, и убрала оригинал в специальную кожаную папку, подальше от сырости и солнечных лучей. Исследование с помощью ноутбука неожиданно помогло мне частично установить личности изображенных на фото людей. На изнанке картинки обнаружилась едва заметная надпись: «Г-нъ

И.Н.Куб – или Кув? – дальше не читалось – е – дальше опять размыто – ский с дочерью Лаурой (или Лалой?), Пет – дальше не читалось – ргъ, 1910 годъ».

Если принять допущение, что «Пет... ргъ» – это Петербург, и год угадан верно, то... То цена этой фотографии среди коллекционеров была бы раза в три выше, чем заказчик отвалил мне за куклу. Я не специалист, но, по-моему, в России XIX столетия детские фото *postmortem* никогда не пользовались такой популярностью, как в Европе. Все же другая культура... А в начале XX века эта традиция вообще вышла из моды. Порывшись в интернете, я не смогла найти ни одной подобной фотографии, которая бы точно была сделана в Российской империи в 1900—1915 годах. Интересно, заказчик, оставляя мне картинку, был осведомлен о ее возможной уникальности? Мысленно погладив себя по головке за то, что у меня хватило ума перенести фото на «цифру» и не мучить оригинал, я принялась за лицевую сторону.

Здесь меня тоже поджидали сюрпризы. Во-первых, попиксельное исследование показало, что изображение старательно ретушировали, но за прошедшую сотню лет ретушь практически полностью выгорела и выцвела. Наиболее заметные следы краски оставались на щеках и губах мертвой девочки. Из нее упорно и безуспешно пытались сделать живого ребенка. Глаза при этом не были нарисованы поверх закрытых век, как часто делалось в постановочных посмертных фото. Они были широко открыты, словно девочка изо

всех сил играла в гляделки. Наверно, веки были чем-то подклеены или просто подрезаны...

В вертикальном положении тело, как я и думала, удерживал спрятанный за спиной штатив. Одна из его стальных ножек слегка выглядывала из-за детского ботинка, а зажимы можно было рассмотреть в районе шеи, подмышек и талии. Конструкция штатива неожиданно напомнила мне металлические стойки-подпорки для шарнирных кукол. Я такими не пользовалась, все мои шарнирки вполне способны стоять самостоятельно и без опоры, да и падения куклам из папье-маше не страшны. Но многие кукольники, работающие с фарфором, активно применяли подставки, хрупкость материала диктовала условия эксплуатации куклы.

Оставив девочку, я переключилась на свою модель. Итак, мужчина. Молодой отец, позирующий фотографу с малолетней мертвой дочерью. Невысокий, изящный, одетый с иголочки. Удлиненные темные глаза смотрели прямо на зрителя. Левая рука уверенно и крепко держала правую ручку ребенка. На тонких изогнутых губах играла легкая улыбка...

Эта улыбка тревожила. Было в ней что-то неестественное, даже более неестественное, чем умершее дитя и вымученность всей постановки. Казалось, этой улыбкой он пытался выразить непреодолимое презрение ко всему происходящему, презрение, за которым скрывалось... Что? Боль утраты? Нет. Смирение? Тоже нет. Надежда на божественный рай для его девочки? Тем более нет!

Глядя на его лицо, я почему-то прониклась убежденностью, что он, подобно мне, не верил в рай и божественное, зато сумел заглянуть в самые глубины ада... и не нашел там ничего для себя интересного. За презрением скрывалась скука! Ему было невыносимо, ужасно, о, да! — демонически — скучно. «И на челе его высоком не отразилось ничего»... Но за скукой пряталось что-то еще, как в абсурдном театре масок, где одна личина сменяет другую, не открывая истинного лица. Что же это может быть?

Снова уменьшив фото до его натурального размера, я уставилась в монитор, подперев подбородок ладонью. Уверенность, презрение, скука... И страх, обожгло меня внезапной догадкой. Он боялся, безумно боялся чего-то, и скрывал ужас за фальшивой гримасой пресыщенного демона.

Сощурившись, я пристально смотрела в его лицо. Да, вот они, едва заметные, но такие узнаваемые признаки с трудом сдерживаемого страха. Брови и верхние веки приподняты, а нижние веки напряжены. Зрачки расширены, лоб собрался морщинами. Ноздри раздуваются, подбородок выставлен немного вперед, челюсти сжаты, сжата в кулак и свободная правая рука... Непонятно. Совершенно непонятно. Что могло так напугать этого человека?

Мои размышления прервал мягкий топоток кошачьих лап. Шляпа, обожавшая в наглую валяться на работающем ноутбуке, уверенно запрыгнула на стол. Для уже немолодой безухой и бесхвостой кошки она была в отличной форме.

Ушей и хвоста бедолага лишилась во младенчестве. Она лишилась бы и жизни, зайдя я в подъезд на минуту позже. Малолетние садисты со здоровенными портновскими ножницами как раз принаравливались отрезать отчаянно вопящему и истекающему кровью котенку голову. «Все дети – такие ангелы, такие ангелы», – обычно кудрахчет одна тупоголовая приятельница Лильки. Однажды я не выдержала и спросила у нее, как бы она поступила, если бы увидела вот такое – и в деталях описала историю Шляпы. Теперь эта дура считает меня психопаткой...

А я поступила просто: вырвала ножницы у одного гаденыша, от всей души врезала по физиономии другому, окровавленного котенка положила в свою шляпу и бегом понесла в ветклинику, а потом еще написала заявление в милицию, присовокупив к нему ножницы, хвост и уши. Не знаю, что случилось с гаденышами, но Шляпа выжила. И прониклась ко мне пожизненной и бескорыстной благодарностью. Ни разу она меня не поцарапала и никогда не выражала неудовольствия, чтобы я ни делала. Ее можно было носить на плечах, как воротник, или, сонную, переворачивать пушистым пузом кверху, щекотать, мять, гладить против шерсти – она радостно принимала любые виды общения. Чего уж там – она безропотно стерпела, когда появилась сначала Морковка, беспардонная рыжая бродяга, а потом и пучеглазая породистая Рыба, смахивавшая на перепившего инопланетянина. Шляпа все равно была главной – и знала об этом.

Тактично мяукнув, она выгнула спину, потерлась о край ноутбука и собралась, что называется, «занять стратегическую позицию» на клавиатуре. Но вдруг брезгливо фыркнула, затрясла задней лапой и отскочила назад. Затем, издавая утробный вой, принялась ходить вокруг брошенной посреди стола кожаной папки, куда я запрятала фотографию. Ее загривок вздыбился, желтые глаза яростно сверкали, обрубок хвоста распушился. Шляпа была в бешенстве и в ужасе. Когда я попыталась успокоить ее и погладить по настороженной спине, она ударила меня лапой с выпущенными когтями, оставив на запястье четыре длинные ссадины, взвыла, соскочила со стола и удрала в коридор, где забралась под комод. Там она просидела до позднего вечера, издавая время от времени недовольное басовитое урчание. Не вылезла даже после того, как я, устав от уговоров, засунула взбесившую ее кожаную папку в самый дальний ящик шкафа, засыпала сверху тряпьем, да еще и закрыла ящик на ключ. Шкрябанье когтей из-под комода послышалось лишь тогда, когда я уже легла, утомленная, но очень довольная собой.

Несмотря на загадочный инцидент с кошкой, я набросала первые пробные зарисовки, причем не только лица, но и тела, прикинула будущие размеры кукла, примерно определилась с количеством шарниров. Конечно, все это лишь начальные черновики, которые будут еще миллион раз меняться, переделываться, перекраиваться прямо «на ходу», но од-

ного было не отнять – первый шаг сделан. Работа началась.

Шляпа, Рыба и Морковка опять спали вместе со мной на диване. Мерзнут они, что ли?

Война до «расчлененки»

— ... ожидается похолодание, возможны проливные дожди, ветер северный, до двенадцати метров в секунду...

Вот так всегда. Только что было лето, а уже пора доставать осенние шмотки. Хотя насчет «только что» я погорячилась. Лето кончилось почти три недели назад. Но я даже не заметила этого, напрочь поглощенная куклой. Я знаю, что мне свойственна некоторая одержимость, когда дело касается работы, но тут дело было куда серьезнее. Это был даже не «запой». Это была наркомания, кончавшаяся жестокой «ломкой», если я не работала больше суток. Образ полностью захватил меня, он управлял моими мыслями, желаниями, руками и телом.

Думаю, каждому художнику знакомо состояние, когда ты живешь персонажем, сюжетом, историей, которую рассказываешь доступным тебе языком. Это может быть картина, скульптура, кукла, симфония, стихотворение, рассказ или роман – неважно! Это мир, в который ты погружаешься полностью, без остатка, а в реальности остается только твой маленький «хвостик», маячок, указывающий путь обратно, в привычное обыденное существование. Но сейчас у меня было ощущение, что мой «хвостик» тоже сбежал вместе с непутевой хозяйкой в другой мир.

Я забывала есть. Я забывала гулять и делать упражнения

для спины. Не прибиралась в квартире. Не принимала душ. Отключила все телефоны и не проверяла почту. Спала урывками, порой вырубалась прямо за рабочим столом, измазанная массой для лепки, и, просыпаясь, не понимала, где нахожусь. Я даже несколько раз – и это самое ужасное – забывала покормить кошек. А ведь только они и держали на плаву хрупкую скорлупку моего душевного здоровья.

Всякий раз, открывая глаза после очередной похожей на черный колодец дремы, первым делом я видела Рыбу, Морковку или Шляпу, свернувшуюся клубком возле моей немытой головы. Вторая кошка обычно лежала у меня на коленях, если я спала сидя, либо под боком, если мое тело оказывалось на диване или, в одном случае, на полу. Третья кошка сидела на привычном месте у окна и пристально изучала улицу равнодушным взором сытого хищника. Когда я просыпалась, кошки тут же вставали, бросались ко мне, терлись об меня, оглушительно мырчали и урчали, просили ласки и заботы. Их теплые мохнатые прикосновения на короткое время вытряхивали меня из сумеречного состояния. Но периоды «просветлений» становились все короче и короче. Меня одолевала кукла. Она, в отличие от кошек, не просила, а категорично требовала моего внимания и опеки, диктовала мне свои условия, подробно объясняла, чего хочет, и не соглашалась ни на какие компромиссы.

Любой кукольных дел мастер знает, что... Нет, не так. Любой увлеченный кукольных дел мастер знает: иногда ты дела-

ешь куклу. Иногда кукла делает себя сама – посредством твоего мастерства. А иногда... Крайне редко... Кукла начинает делать тебя, превращаясь из желанного гостя в непрошеного захватчика. Подобно неразумному ребенку, она вторгается в жизнь и налаженный быт кукольника, подчас превращая жизнь в хаос. Куда-то пропадают всегда лежавшие на одном и том же месте вещи. Чаще всего, инструменты и расходники. Мигает свет, лопаются лампочки над столом. Сами собой падают или выворачиваются из рук коробки, как правило, заполненные чем-нибудь мелким, вроде швейных иголок, пуговиц, бисера, словом, того, что очень долго и муторно приходится собирать, ползая по полу. Бывает, что при работе с такой своевольной куклой самые стандартные, отработанные приемы дают совершенно непредсказуемый результат или заканчиваются травмами, например, глубокими порезами от внезапно выскочившего из рук или сломавшегося инструмента.

Понимаю, что для людей, далеких от куклоделия, все это выглядит, как бредни впечатлительной барышни. Но такое действительно случается. Правда, повторюсь – крайне редко. Я далека от мистики и выскажу тут свою версию своевольности некоторых кукол. Мне кажется, дело в мастерстве и амбициях кукольника. Вернее, в неосознанном конфликте между первым и вторым. Еще проще: художник задумал такую работу, для полноценного выполнения которой у него пока не хватает умений. Он хочет прыгнуть выше

собственной головы, но еще не знает как, и подсознательно боится, что испортит свой незавершенный шедевр. Отсюда и невнимательность, маскирующаяся под «исчезновения» и падения вещей, забывчивость, из-за которой перегреваются невыключенные лампы, желание затянуть работу – и нанесение самому себе якобы «мистических» ранений. В пользу моей версии говорит тот факт, что количество «своевольных» кукол становится тем меньше, чем больше автор работает над ремеслом и стилем, совершенствуясь, изобретая свои маленькие секреты и проверенные технологии.

С этой точки зрения происходившее со мной было неприятным, но объяснимым. Я никогда раньше не делала портретных кукол. Мой опыт в этом жанре был равен нулю или даже измерялся отрицательными величинами. Поэтому не приходилось удивляться тому, что на стадии скульптурной лепки, когда пустотелые заготовки должны были постепенно превратиться в узнаваемую фигуру и лицо, я «срезалась» и рухнула в омут одержимости.

Сначала-то все было просто прекрасно. Сделав подробные, уже с шарнирами, эскизы тела и головы, я споро принялась за изготовление «болванок» из пенопласта и фольги. Их затем предстояло вчерновую облепить папье-маше, высушить, разрезать детали на половины, вынув «начинку», и снова склеить по боковым швам. Уже на основе полых деталей туловища, черепа, рук и ног нужно было создавать сначала анатомически правильную фигуру мужчины, а потом

и образ с фотографии.

Бумажную смесь для лепки я делаю для шарнирок сама, не пользуясь покупными массами. Я использую старинный рецепт папье-маше, но с некоторыми хитростями и добавками. Они делают затвердевшую массу очень прочной, непромокаемой и практически вечной, особенно если грамотно провести финальную обработку: шлифовку, покраску и лакировку. Так и быть, немного приоткрою завесу тайны. В своем рецепте я заменила простую воду, в которой размачивают бумагу, на отвары трав с добавлением кое-каких ароматических масел и.. еще кое-чего, не скажу. Клейстер тоже варю по собственному рецепту. И в тщательно выверенных пропорциях добавляю смолотые в мельчайшую пыль опилки (определенных пород дерева), тальк, льняное масло, специально подготовленную олифу и, опять-таки, еще кое-что. Цвет массы на этом этапе можно подкорректировать с помощью растертой в порошок пастели, добиваясь нужного оттенка. Еще я добавляю пропущенные через кофемолку травы и сухоцветы, каждый раз разные. Они придают застывшему папье-маше и, следовательно, кукле, более живой и естественный вид и приятный аромат. На этот раз, почесав в затылке, я всыпала в таз с мокрой бумагой смесь полыни, зверобоя, календулы и лепестков льна. Вымесила «тесто» и побыстрому высушила в микроволновке махонький кусочек, чтобы оценить цвет. Вот тут-то и начались сложности.

Цвет мне не понравился. Он категорически не подходил

для кукла. Вообще не вписывался. Вздыхая, я принялась «играть» с добавками, после каждого пробного замеса высушивая кусочек массы. Все было не то! После того, как на подоконнике образовалась целая шеренга забракованных бумажных шариков, а уставшие руки заныли, я звучно прокляла все на свете и решила начать «замес» заново, с другими ингредиентами. Но тут мне на глаза попала банка с остатками чая с чабрецом. Я очень люблю его терпкий, насыщенный запах и диковатый вкус, напоминающий о лесе, лугах и бескрайних просторах. Решив, что хуже уже не будет, я лихо высыпала содержимое банки в таз, снова вымесила, и, твердо решив оставить это «тесто» до лучших времен, просто на всякий случай высушила последний пробный кусочек. Цвет был именно тот. Тютелька в тютельку то, что надо. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Радостно облепив «болванки» жидкой массой, я кинула их сушиться в духовку и побыстрее, чтобы не застыло, убрала оставшееся папье-маше в герметичный контейнер, а его – в холодильник. И на этом моя удача иссякла.

Следующие три недели я воевала с куклой, а кукел воевал со мной. Несмотря на отдельные победы, например, на очень хорошо получившиеся предплечья, шею и нижнюю часть лица, кампанию в целом я проигрывала. Лампочки лопались, инструменты пропадали, коробки с бусинами самостоятельно летали по комнате, превращая бардак в запредельный бардак. Вырезая скальпелем шарнироприемник в торсе

непослушной куклы, я ухитрилась пропороть себе левую ладонь чуть ли не до кости, залив весь стол кровищей, капли которой попали и на кукольную «расчлененку».

Голодные заброшенные кошки кругами бродили по коридору и мрачно завывали дурными голосами, в животе у меня бурчало и булькало, а за окном стремительно темнело – дни уже стали по-осеннему короткими, сентябрьское равноденствие готовилось разменять остатки лета на первые восточки зимы. Нет, так не пойдет, решила я, глядя в зеркало, из которого на меня угрюмо таранилась худая, как скелет, узколицая встрепанная вампирша с красными опухшими зенками. Надо выкарабкиваться!

Ничто

Уличные фонари разгорались все ярче. Но чем больше света, тем глубже и насыщеннее тени... Желтый лист танцевал, кокетничал в световом столбе, то резко блистал золотом, то тускло отливал серебром... Неожиданно лист вздрогнул и закрутился, словно рыба, попавшая в невидимую сеть. Он метался, бился, пытался вырваться – но все было бесполезно, призрачная ловушка держала крепко. Вместо парчового резного красавца на асфальт беззвучно опустилась бледно-серая изгрызенная дерюга. За одно мгновение лист иссох и сгнил, словно всю зиму пролежал под слоями льда и снега, высосавшими из него все соки...

В окне первого этажа за печальной судьбой осеннего листа внимательно наблюдали зоркие кошачьи глаза. Только они и могли уловить едва заметное шевеление в темноте. Даже не тень еще, а тень тени, слабый отзвук былой и грядущей тьмы, жадной, проголодавшейся, не побрезговавшей даже такой неподходящей пищей, как падающий лист... Кошка, не мигая, уставилась в оживший сумрак. «Ты всего лишь маленькая злобная крыса, и я без труда могу поймать тебя. Убирайся!», – тень тени съежилась, когда до нее докатилась волна кошачьей ярости и презрения. Сгусток мрака истончился, задрожал... Исчез... Кошка довольно потянулась, почесала огрызок уха, мягко спрыгнула с подоконника и напра-

вилась на кухню, где ее спасительница и хозяйка тоже пыталась прогнать тени...

Ничто было в бешенстве. Ничто неистовствовало. Бесилось настолько, насколько могло испытывать эмоции существо, лишенное не только плоти, но и духа. Оно подобралось так близко, так близко! Но девчонка оказалась сильнее... Чуть-чуть сильнее, чуть-чуть умнее... Еще и проклятые кошки нехстати вспомнили о своем предназначении стоять на страже мира теней... Впрочем, все это пустое... Пустое... Ничто, проскальзывая между развоплощенными мирами, успокаивалось, снова погружалось в привычное уже состояние ожидания.

Сила работает в обе стороны. Сила – это хорошо... Сильный проводник лучше слабого, сильная ведьма вкуснее неопытной... Да и не настолько девчонка сильна, чтобы всерьез бороться. Тем более, когда ночи становятся все длиннее и чернее, а холода замораживают и ожесточают людские сердца... Ничто поглотит ее, как и многих других до этого... Скоро, уже скоро... А кошки... Что кошки! Они не смогут противостоять ему вечно, особенно, если сломается девчонка... А она сломается. Она уже готова сломаться...

Признаки призраков

Свечи из черного воска, вставленные в горлышки пустых винных бутылок, горели с едва заметным ароматом ладана. Руки с длинными черными ногтями держали над щербатым блюдцем острый нож с вычерненным лезвием и куриное яйцо. По законам композиции, яйцу полагалось бы быть белым, но супермаркетам плевать на стиль, так что яйцо было банальным, желтовато-коричневым с охристыми крапинками на тупом конце. Руки взметнулись, лезвие упало на скорлупу, с хрустом надломив ее... и по комнате разлилась невыносимая, омерзительная вонища.

– Идка, тебя точно сглазили! – зажимая нос, прогундосила обладательница черных ногтей и ножа. – Тебе надо ауру чистить!

– Ты лучше скажи, когда ты эти яйца покупала? – Спросила я у Леры, и, задержав дыхание, побежала выливать «магическую» тухлятину в унитаз.

– А я не помню, – крикнула она мне вслед. – Наверно, в июне... Перед Европой...

– Ага, – кивнула я, вернувшись в комнату и зажигая свет. – А сейчас сентябрь. И холодильник ты на время поездки, небось, отключала...

– Ну да, отключала...

– А чего же яйца перед этим не выбросила, если не успела

съесть? За два месяца что угодно стухнет! Тем более – яйца!

– Думаешь, они сами стухли? – Раздумчиво проговорила Валерия и отложила в сторону свой «колдовской» рунический нож, купленный в онлайн-магазине «ВДВ», что расшифровывалось как «Все для ведьмы». Нож, как я давно выяснила, был Made in China, сделан чуть ли не из фольги, и без проблем разрезать им можно было разве только воздух. И то не факт.

– Нет, Лер, ну конечно не сами. Их стухлил злой дух, который во мне поселился, у него других дел нет, только яйца тебе крутить!

Я раздраженно плюхнулась в кресло. В последние несколько дней меня нервировало буквально все. Тепло, холод, музыка, тишина, когда со мной соглашались или когда не соглашались... Любая ерунда, над которой стоило только посмеяться и забыть, моментально и надолго выводила меня из себя. Я даже умудрилась капитально разосраться с сестрой. Такого скандала между нами не было уже лет пять, а то и больше. В финале Лилька злобно посоветовала мне «жрать „колеса“ от пэмээса» и больше не брала трубку. Вот только дело было не в «пэмээсе». Кукла, недоделанная шарнирка, от которой я мучительно заставила себя оторваться и «проветрить мозг», не отпускала.

Сначала мне и впрямь полегчало. Твердо решив отложить на пару недель борьбу с неподатливым персонажем, я вернулась к обычному графику жизни, к ежедневным прогулкам,

общению с родней и друзьями, чтению, возне с кошками. Я даже принялась было за долепливание и доведение до ума нескольких незавершенных ранее проектов. Но мой «отпуск» продлился менее недели. Потом все вернулось на круги своя, с той только разницей, что я не делала куклу. Я изо всех сил не делала куклу. Я терпела, я принуждала себя не делать куклу. Больше всего на свете я хотела делать этого кукла, черт меня подери!

Мужчина со старинной фотографии теперь мерещился мне на каждом шагу. Я грезил наяву, видела, ощущала, как он перерождается в БЖД. Мне являлись во всех подробностях конструкции шарниров, небывалые, удивительные сочленения, которые позволили бы кукле принимать самые разные, и при этом абсолютно, стопроцентно человеческие позы. Я запоминала, зарисовывала схемы чем попало и на чём попало, от салфеток до коробок с молоком и соком – но все-таки не возвращалась к рабочему столу. Длинные темные глаза преследовали меня, я видела их в витринах магазинов, в замызганных окнах автобусов и трамваев, в лужах, покрытых радужной пленкой бензина... Тонкая мужская фигура в старомодном наряде маячила на периферии зрения, когда я читала или гуляла. Он кривил губы в печальной понимающей улыбке, едва заметно пожимал плечами, приветливо махал мне рукой, демонстрируя двойной шарнир запястья, после чего разворачивался и уходил, поигрывая невесту откуда взявшейся тросточкой. Когда же изящ-

ный щеголь с мертвой дочерью пришел ко мне во сне и они танцевали для меня торжественный беззвучный полонез, я купила бутылку полусухого красного и напросилась в гости к Лере. Общение с ней способно было вытравить мистические миазмы из любого, даже самого упертого эзотера.

Лерка, в миру – Валерия Евгеньевна Жерехович, искусствовед и «практикующая ведьма», на самом деле – просто очень милая, добрая, одинокая женщина сорока трех лет с несложившейся личной жизнью. Все ее потуги на оккультизм – не более чем способ почувствовать себя более значительной и защищенной, этакая маска, скрывающая ранимость и беспомощность. Мужик, который пятнадцать лет кормил ее сказками о том, что вот-вот разведется с нелюбимой женой, только сначала вырастет сын, потом вырастет дочь, потом жена заболела, потом теща умерла... Ну, в общем, вы все поняли, да?

Когда Лера окончательно превратилась из пухленькой симпатичной девушки в начавшую оплывать женщину средних лет, «прекрасный принц» растворился в голубой дымке, а она осталась там же, где была, только на пятнадцать лет старше и на пятнадцать килограммов тяжелее. Любила она своего козла из чужого огорода очень крепко, поэтому решила, что, конечно же, ее сглазили, его приворожили, и во всем виноваты коварные чернокнижники. Только не думайте, что Валерия побежала по «гадалкам» и «потомственным ведуньям»! За исключением козла и оккультизма она

очень здравомыслящая плюшка и вовсе не хотела кормить профессиональных шарлатанов. Вместо этого она занялась снятием «сглаза» сама, пользуясь подручными средствами, и, что называется, втянулась. Образ томной загадочной чародейки в свободно ниспадающем балахоне пришелся ей по душе. Теперь она везде и всюду видит ауры, слышит голоса, разговаривает с духами, в общем, гарантированно отпугивает от себя всех возможных претендентов на ее заботу и нежность. Того и другого у нее – хоть вагонами грузи. Как бы мне ни было плохо и муторно, посиделки с Леркой всегда выручали.

– Может, тебе просто уехать на пару недель? – предложила она, когда я вкратце рассказала ей о своих проблемах с куклом, сразу же отвергнув версию «сглаза». – Раньше тебе это помогало.

– Сомневаюсь. В этот раз меня очень круто накрыло. Если даже сон запомнила... Самая погань в том, что я ничего вообще делать не могу больше. Настроение скачет, за полчаса от эйфории до депрессии. С Лилькой разругалась... Все мысли – только об этом кукеле...

– А ты не пробовала выяснить, кто на фотографии? Кого ты вообще делаешь?

Я поразились: эта элементарная мысль даже не приходила мне в голову.

– Заказчик говорил, что это его прапрадед. Про девочку ничего не говорил, но на фото было написано, что дочь.

– Так фото было подписано?

– Ну, как подписано... Я с трудом разобрала примерно треть надписи на обороте.

Взяв чистую салфетку и карандаш, я по памяти скопировала то, что мне удалось прочитать на изнанке фотографии. Изучив буквы, Лера вздохнула: – Мало что понятно. Если хочешь, я могу подергать своих знакомых историков-музейщиков и поискать в архивах...

– Конечно, хочу! Лерка, ты чудо! Вдруг мне это поможет понять, каким должен быть кукел!

– Особо не надейся, – прервала она мои излияния. – Хотя, если искать по семейным архивам... Как фамилия заказчика?

– Так я же тебе не сказала... Не знаю я его фамилии. Не успела спросить, так быстро он удрал...

– Мне он тоже фамилию не называл... Странно, конечно. Хотя на меня этот молодой человек произвел очень хорошее впечатление, – призналась она.

– Молодой? – переспросила я. – Нет, ну если сороковник с гаком – это молодой, то мы с тобой, подруга, еще ого-го!

– Какой сороковник с гаком? – удивленно переспросила уже Лерка. – Ему едва за тридцать было...

Сличив «показания», мы убедились, что говорим об одном и том же человеке. Только за сутки, которые прошли между его разговором с Валерией и встречей со мной, он, судя по всему, состарился более чем на десять лет.

– Что-то тут не то, – пробормотала Лера себе под нос. – Не нравится мне это...

Разлив остатки вина по бокалам, она пристроила у себя на коленях здоровенный фолиант, опять-таки из магазина «ВДВ». Книга, более всего напоминавшая покрытую гляncем надгробную плиту, называлась «Настольный справочник современной ведьмы». – Смотри, тут сказано: «Вот самые верные признаки призраков, поселившихся в доме: стуки, перемещения и необъяснимые исчезновения предметов, внезапно возникающий холод, чувство, что на вас смотрят, странное поведение животных»...

– Лера, я тебя умоляю, не надо! Ты же знаешь мое отношение ко всему этому... – я запнулась было, но отступившая на время раздражительность взяла свое. – Ко всему этому тупому бреду для свихнувшихся климактеричек! Ой... Извини...

Лера молча закрыла книгу, допила вино и очень аккуратно поставила пустой бокал на столик.

– Своих друзей из архивов я попрошу поискать твоего неизвестного. И сама покопаюсь кое в чем. А тебе советую побыстрее с этой работой развязаться. Пока не превратилась окончательно в свихнувшуюся климактеричку. Дверь за собой захлопнешь с той стороны...

Топая по лестнице вниз, я мрачно размышляла о том, что недоделанный кукол обходится мне слишком дорого. Но я не чувствовала себя виноватой перед Лерой: рано или позд-

но кто-нибудь должен был честно сказать ей, что думает о ее дурацком увлечении мистикой для домохозяек. С другой стороны, она все же права. Надо прекратить сопротивляться, засесть за работу и побыстрее доделать своевольную куклу. Да, чем скорее, тем лучше! Когда я выходила на иссеченную дождем темную улицу, по щеке словно бы ласково скользнули чьи-то прохладные тонкие пальцы. Чем скорее – тем лучше! Лампочка в подъезде за моей спиной быстро замигала и обреченно погасла.

Ничто и нечто

Костерок, разведенный промокшими бомжами за баками на помойке, шипел и плевался, словно добропорядочная клуша, оскорбленная соседством с вонючими поддатыми мужиками. Огонь и вода соперничали, продолжали вечный спор – кто кого? Горячие искры или холодные капли? Бомжам хотелось, чтобы победил огонь, и они подкармливали его, швыряя в костер все, что могло гореть. А пищи было изрядно: на свалку вынесли содержимое целой квартиры.

По слухам, померла какая-то бабка, из тех психованных, что родились еще до Первой мировой, перехоронили всю родню и на старости лет загибались в одно рыло в роскошной хате, набитой книгами и пожелтевшими фотографиями мертвецов. Помойка была завалена выброшенной из бабкиной норы макулатурой и тряпьем. Бомжи раздирали потрепанные книжки и швыряли их в костер. Туда же отправлялись пухлые фотоальбомы в облысевших бархатных обложках. Жадный до пищи огонь без раздумий пожирал и буквы, и картинки. Жизнь одинокой бабки превращалась в пепел, а пепел становился добычей дождя и оборачивался мокрой грязью... Лишь несколько хрупких страниц, исписанных мелким элегантным почерком, сумели спастись от огня и воды, и теперь валялись за гаражами, хвастаясь перед равнодушным небом словами, которые давным-давно были зариф-

мованы чьей-то торопливой рукой...

Ничто помнило эти слова... Вернее, не сами слова – понятия мира людей были для ничто непостижимы – оно помнило свой страх, удивление и неутолимую жажду, которые возникали вместе с хитро нанизанными на бумагу словами. Ничто боялось слов и жаждало их... Так мучимый грешными видениями плоти монах страшится и хочет и греха, и покаяния... Но слов не было уже очень и очень давно, в зыбкой псевдореальности ничто от них осталось только слабое эхо, тень, едва заметный абрис...

Девчонка должна была помочь. Она не могла вернуть слова, однако для ничто слова были всего лишь приятной приправой к основному блюду... Можно обойтись и без них, ведь раньше оно так и делало, до того, как его обманули, изловили и преобразили... в нечто. В нечто иное, чем оно изначально было и чем желало оставаться... Скоро, теперь уже скоро, оно прогрызет себе обратную дорогу в этот мир, такой вкусный, такой сочный, такой... изобильный... Девчонка должна помочь, и она уже помогает... Надолго ее не хватит, но ничто научилось быть терпеливым, научилось сдерживать свой вечный голод.. Скоро, уже скоро...

Обрывок страницы

Тот, что приходит по ночам,

Стучит в окно, с собой зовет.
Чабрец бросаю я в очаг —
Пусть он уйдет! Пусть он уйдет!
Я так его боюсь! Боюсь!
Зачем приходит он ко мне?
И почему такая грусть
В его глазах была во сне?
Он говорил... Он мне шептал:
«Душа моя, пойдем со мной,
Всю вечность я тебя искал,
Ты жизнь и кровь моя! Открой,
Молю тебя, открой окно!
И мы с тобой улетим
Туда, где дней веретено
Не властно над челом моим!
Ты будешь вечно молода
И хороша, как майский день!
Божественный, бессмертный дар!
Открой окно!», — молила тень...
Но наливался теплотой
Нательный крестик на груди
И превращались в волчий вой
Слова... Ох, матушка! Буди!
Буди меня от грешных снов!..
Но мать сказала, помолчав:
— Когда-то я отвергла зов...
И крестик бросила в очаг...

Перспективный дурналист

Только он, только он мог так тупо облажаться! Сколько раз, ну сколько раз говорил себе – проверяй! Проверяй опечатки! Проверяй опечатки ДО ТОГО, как отправлять письмо, а не после! Кретин! Раздолбай! На хрена тебе твоя абсолютная, врожденная, ити ее, грамотность, если ты не умеешь нормально печатать и все время лупасишь не по тем кнопкам?! Дебил... Еще и чертовы буквы «д» и «ж» расположены на клавиатуре рядом! Вон они, торчат, лыбятся, приглашают сесть в очередную галошу... Скривившись, молодой человек мрачно уставился на строки своего резюме, десять минут назад отправленного им сразу на кучу возможных вакансий. Резюме и так было не фонтан, да и откуда ему фонтанировать в двадцать два-то года? Так еще и по всему тексту вместо «журналист» и «журналистика» были раскиданы бездарные «дурналисты» и похабные «дурналистики». Блин! Ну и чо теперь? Ждать ответов в духе «Спасибо, в дурналистах не нуждаемся, своих хватает»?

– Какой же я все-таки идиот, – с чувством произнес парень. Проходившая мимо полная женщина с большим джинсовым рюкзаком бросила на него косой взгляд и поспешила прочь.

Ладно, нечего рассиживаться. Уж, по крайней мере, не здесь, на влажной от дождя скамейке в парке на Крестов-

ском. Еще не хватало подцепить простуду. Вот тогда уж точно придется побитой собачонкой возвращаться домой, к родителям. От одной этой мысли становилось холодно, а во рту появлялся мерзкий железный привкус. Ну нет. Уж лучше он в бомжи пойдет, хоть сдохнет, но к предкам – ни шагу! В крайнем случае, можно планшет продать. И айфон... Хотя айфон жалко. Тем более именной, с гравировкой... Подарок отца на 21-летие, как некстати вспомнилось-то. Ведь всего какой-то год назад все было прекрасно, а сейчас – полная жопа. Что ж теперь делать-то, как выкручиваться-то? «Прекрати „токать“, – одернул он сам себя, – не из деревни приехал». А может, как раз в деревню уехать? В такую, гипотетическую пасторальную деревню.

«И что ты там делать будешь? Коровам хвосты крутить?, – коварно спросил его незатыкаемый внутренний голос, так похожий на голос отца, но не снисходительный, а цинично-ехидный. – Ну-ну. Пастушок!».

Он этот голос ненавидел. Вдвойне ненавидел за то, что почти всегда голос был прав. Втройне ненавидел за то, что прислушивался к этому голосу. И вчетверо ненавидел за то, что испытывал облегчение, подчиняясь этому голосу, хотя делал вид, что подчиняется против воли. И впятеро ненавидел за то, что голос знал о его облегчении и лишь покровительственно посмеивался над фальшивым бунтом.

Нет, домой не пойду ни за что. Айфон во внутреннем кармане кожаной куртки Hugo Boss затрепыхался. Номер был

незнакомый.

– Да?

– Это вы – перспективный дурналист Илья Ильич Вороненко? – спросили на том конце провода.

– Вороненко, – по привычке поправил Илюша и лишь после этого сообразил, что звонивший только что прочитал его позорное резюме.

– Да какая, нафиг, разница, – заржал невидимый собеседник. – Нам, дурналистам, ударения по барабану. И по бубну тоже.

– Это нелепая опечатка... – начал было оправдываться Илюша, но его прервали.

– В общем, пацан, бери-ка ноги в руки и подъезжай в редакцию «Малой Невки»! Ты, конечно, идиот, но нам такой и нужен. Шибко умных нынче много, а олигофрены в дефиците, чтобы делали, что велено и не драчили мозг ненужными вопросами. Куда ехать, знаешь? Запоминай адрес!

Перспективы бомжевания, похоже, временно откладывались...

Редакция оказалась расположена в сдвоенной квартире наполовину расселенного жилого дома, приспособленного под офисы. Не отец ли занимался расселением? – так размышлял Илюша, заходя в парадное. В старинном грохочущем лифте висело огромное цветастое объявление с угрожающим месседжем, начинавшееся словами «Ссудари мои!». Ухмыльнувшись, он зафоткал смешную объяву и сразу же

скинул фотку в сеть. Пусть френды тоже порадуются народному творчеству. Видать, совсем ссыкуны достали местное население.

– Молодец, пацан, оперативно работаешь!

Этими словами его встретил в редакции огромный, как все три толстяка сразу, потный человечиче с длинным засаленным хвостом полуседых волос на затылке. Макушка жирдя была совершенно лысой, а поперек нее шла витиеватая татуха, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся цитатой Петрония Арбитра *Quidquid discas, tibi discis*.

– Чему бы ты ни учился, ты учишься для себя, – автоматически прочитал Илюша латинскую фразу.

– Ишь ты! – восхитился жирдяй. – Выходит, зря я тебя в олигофрены определил, что ли? И фотку ссударей моментально в заповедник олигофренов запостил, и с латынью знаком, и упакован, как мальчик-мажор. А ну колись, ты идиот или наоборот?

– Я дурналист, – вздохнул Илюша. – И этим все сказано.

– Избегай штампов, щегол! Все о человеке сказать невозможно, даже об олигофрене из твиттера. А теперь пристраивай свою тощую жопу сюда, – толстяк кивнул в сторону скучавшего в углу хлипкого офисного кресла, – открывай уши и очень внимательно меня слушай! Повторять не буду, редакционный идиот должен все ловить с одного раза...

Дядя Мотя

Вернуться домой ему все-таки пришлось. Хотя и ненадолго, только для того, чтобы забрать ноутбук: всерьез работать с айпада было категорически неудобно. К тому же ноутбук, в отличие от модных эппловских гаджетов, подаренных родителями, был его собственный. Он купил его на деньги, полученные за подробное генеалогическое исследование семьи. Не своей, конечно же, а одного из приятелей. Исследование не выявило им дворянских предков, как они надеялись. Но гонорар честно заплатили. Любимый ноутбук был ему нужен и для выполнения задания Матвея Афанасьевича Эбербаума, который велел звать его дядей Мотей и пообещал, что Илюша, «если жидко не облажается на первом же уроке», сможет ночевать в редакции, пока не подыщет себе жилье.

Редакция, в сущности, представляла собой две почти пустые комнаты. В одной из них царил дядя Мотя, работавший одновременно за тремя ноутбуками, в другой стояло два потрепанных стола с покрытыми пылью компьютерами эпохи девяносто пятых виндов. Но главное – здесь же был диван, который, если Илюша таки не облажается, мог на ближайшие несколько недель стать его временным пристанищем.

– Писять будешь ходить во-он в ту дверь налево, – махнул дядя Мотя огромной ручищей в сторону коридора, со-

единявшего редакционные комнаты. — Там и покакаешь, там и помоешься, если что, душ имеется. Столоваться можешь у меня, я живу этажом ниже, щенячий корм и чистая миска найдутся...

— А кто еще здесь работает?, — поинтересовался Илюша, заинтригованный полнейшей безлюдностью редакции.

— Здесь я работаю, а еще — никто, — ответил дядя Мотя и ткнул пухлым безымянным пальцем на кнопку включения древнего компьютера. — О фрилансе слыхал, дитя четырехджи? — Загружаясь, компьютер натужно захрустел, словно больной артрозом дедок, которого заставили бежать марафон.

— Слыхал, — улыбнулся Илюша, — сам такой...

— Все вы нынче такие, — недовольно пробурчал дядя Мотя, — тролли сетевые...

Всего в редакции городского сайта новостей «Малая Невка», по его словам, работало тринадцать человек, причем большинство из них занимались не контентом сайта, а поиском рекламодателей. Контент, в основном, обеспечивал лично главред Матвей Афанасич и еще двое «быстрых разумом нектонов, способных отличить «порок» от «порога». Сайт был всеяден, как нахальный городской голубь, и не брезговал ничем. Новости о мировой политике, финансах, катастрофах безмятежно соседствовали с информацией о потерявшейся в центре города собачке или о лопнувшей трубе в квартире многодетного семейства.

– Посещаемость у нас тухлая, – объяснил неунывающий дядя Мотя, – а в этой гробнице, – он постучал по рубрике «Недвижимость» на экране, – вообще скоро могильные черви заведутся. А направление весьма перспективное, причем главным образом с точки зрения покушать немного денюжек... Так что вот тебе, пацан, пробное задание...

На первый взгляд, не так уж сложно, размышлял Илюша по дороге домой. Обойти по выданному Эбербаумом списку несколько старых домов в центре города, поговорить с жильцами, выяснить, не ошивались ли в последнее время поблизости странные личности, интересующиеся одинокими пенсионерами с большой жилплощадью...

– Тебе, как единственному наследнику риэлторской империи, да-да, не делай удивленную морскую, – я твою родословную сразу прогуглил, – должно быть понятно, что спрашивать. Но особо не увлекайся, – наставлял дядя Мотя. – Подробный трактат на тридцать тыщ знаков мне тут ни к чему. Так, кратенько, логично, но с чувством. Ты можешь с чувством?

– Не знаю, – проямлил Илюша, пытаясь совладать с задающей «клавой» раритетного компа.

– Можешь-можешь, – уверенно заявил дядя Мотя, – раз с семьей так лихо разосрался. Из-за чего разосрался-то, повод хоть стоящий был?

– Я папину машину разбил, – признался Илюша. – Вернее, не совсем папину и не совсем я...

– И не совсем разбил? – густым хохотом прервал его Матвей Афанасич.

– Машина как бы моя была, мне ее родители на день рождения подарили... Ну, я в клубе отмечал... Как бы с друзьями... Потом кататься поехали... – Во рту пересохло и опять появился отвратительный железистый привкус. – Я девушку за руль посадил, а она в столб въехала...

– Твоя, что ли девушка? – поинтересовался дядя Мотя.

– Ну, не совсем моя... То есть, я думал... А она...

– Ясно, – ухмыльнулся Матвей Афанасич. – Это он, это он, майне фройнд тестостерон. Пьяные были?

– Ну... Она да... И все остальные... А я и не пил... Я не пью почти. Спиртное не переносу... Тем более за рулем был...

– То есть, – принялся перечислять дядя Мотя, загибая пальцы, – ты, единственный трезвый, вез бухую компанию как бы друзей, посадил за руль не совсем твою девушку, тоже бухую, и она въехала в столб? Хоть не убили никого? Не покалечили?

– Нет, что вы! – Илюша взмок и вспомнил свой вязкий ужас, когда джип занесло на мокрой трассе, а он пытался вырвать управление у впавшей в пьяное буйство Полины. – Только машину разбили... В полицию попали...

– И что, родители из дома выставили?

– Я сам ушел. – Сказав это, Илюша вдруг отчетливо понял, что он действительно полный идиот. – Не из-за маши-

ны, – поспешно добавил он, – из-за девушки... Папа ее шалавой назвал и запретил встречаться... – Он растерянно замолчал.

– Интеллигентный человек твой батя, – радостно сказал Матвей Афанасич. – Ух, я бы на его месте! Хорошо, что я не на его месте, усек?

– Усек, – ему вдруг стало очень легко. Впервые с момента отвратительного семейного скандала он смог нормально вдохнуть. – Только мне домой все равно никак... Не могу я...

– А я тебе о чем толковал, птенец гнезда? Сгоняй за чистыми труселями и ноутбуком, скажи, что ты идиот, но нашел работу и хату. А жить здесь будешь, пока говно не выкипит...

– Спасибо...

Уже выйдя из редакции и направляясь домой за вещами, Илюша вдруг задумался – а откуда дядя Мотя узнал о его ссоре с родителями? Он ведь не говорил предполагаемому работодателю о своих семейных проблемах. Хотя, наверное, тот сам догадался, тем более что сразу по получении резюме с «дурналистом» проверил Илюшину «родословную» и аккаунт в соцсетях. Откуда дядя Мотя узнал о любимом ноутбуке – эта мысль даже не пришла в Илюшину голову...

Бабулькины игрушки

– Женщина она была интеллигентная, но с придурью. Знаете, из таких... В шляпке... В туфельках даже дома... Эээ... – Пожилая сухощавая соседка покрутила руками, пытаясь объяснить Илюше, что имеет в виду. – Все стихи, да мемуары, картиночки-вышивки, игрушки-кружавчики... Не от мира сего была... Да... Хотя, – всполошилась она, – чего это я? Она же на старости лет совсем одна осталась, мужа померли, дочка погибла, а родни и не было никакой... Не дай бог до таких лет дожить, не дай бог... Но голова у нее ясная была! – с гордостью за покойную добавила Ольга Семеновна. – До самого конца ясная, как у молоденькой!

– Скажите, Ольга Семеновна, а в последние пару-тройку месяцев у Луизы Ионовны не было странных гостей? – Спросил Илюша и уточнил: – Которые бы ее здоровьем интересовались, наличием дальних родственников?

– Гости? – озадачилась женщина. – Нет, молодой человек, гостей не было. Да и какие гости в ее-то годы! Ведь сто с лишним лет прожила, не шутка. Нынче столько не живут, – невпопад добавила она. – И родни никакой не было, это я точно вам говорю. Все померли, еще лет двадцать назад как померли, и семья, и друзья... Никого не осталось у бедняжки. Она говорила, в аккурат с тех пор начала игрушки собирать, чтобы занять себя чем-нибудь. Так и собирала... Когда

меня нанимала ей по дому помогать, так уже вся квартира была в этих игрульках. Я как увидела – аж ошалела, ну, думаю, тут замаешься пыль вытирать... – переключилась на напевно-повествовательный тон Ольга Семеновна. – Но ничего, потихонечку-полегонечку, привыкла, это ведь не каждый день...

Перспективное направление расследования зашло в тупик. Из всех адресов, которые выдал Илюше дядя Мотя, только здесь, в огромной квартире на Васильевском острове, скончалась несколько недель назад пожилая одинокая бабуля. Илюша, почувствовавший азарт поиска, достучался до соседки, которая обихаживала умершую Луизу Ионовну Зубову в течение пятнадцати примерно лет. И вот – пустышка. Если бы к бабушке кто-нибудь приходил, Ольга Семеновна знала бы об этом. Подозревать в нехорошем саму Ольгу Семеновну было глупо: к чему ждать и пятнадцать лет терпеть капризы полуслепой болезной бабушки? Будь у соседки желание, она бы давно изыскала возможности захватить чужую квартиру. Но Илюша проверил, воспользовавшись связями отца: договоров пожизненной ренты Зубова не подписывала. Не было и завещания. Не было и дарственной. Вообще никаких документов.

– ... ну и коробки с тряпьем и бумажками я успела на свалку вынести да сжечь, как она велела, чтоб, значит, никто чужой в ее жизни не копался. А потом-то дверь опечатали, так и нет тут никого, – донесли до Илюши заключительные

слова соседки. – Игрульки, небось, уже пылью, как мохом, заросли... Куда их теперь? Если только в музей, как та фифочка предложила, так это пока она договорится, пока новые хозяева поселятся...

– Что за «фифочка»? – встрепнулся Илюша, усыпленный певучим рассказом соседки.

– Так такая, – развела руками Ольга Семеновна. – Чумовая... Приходила днями, когда тут? Еще до того, как Параша в тайге Ванечку спасла, значит, до трехсотой серии... В среду, точно, в среду на той неделе! Забыла, как ее... На «вэ»... Волосы синие-фиолетовые, вся в кольцах-браслетах, гремит-звенит, покрашена, ногти черные... Жуть! А сама-то уже не молоденькая... Про Луизу Ионовну все спрашивала, вот вроде вас, когда померла, да есть ли родственники, да какая у нее была девичья фамилия... Игрулками очень заинтересовалась, я, говорит, искусствовед, могу лекцию в музей определить...

– Имя помните? – перебил он бесконечный монолог. – А говорите, не было непонятных гостей! – не выдержав, укорил он соседку.

– Так, молодой человек, – лязгнул металлом голос Ольги Семеновны, – я хоть и не такая резвая, как некоторые, но в маразм еще не впала! Женщина эта приходила уже после смерти Луизы Ионовны, а не до, как вы спрашивали!

– Извините, – Илюша залился краской до самых корней волос. – Но все равно, вы имя ее помните? Мало ли что, мне

проверить надо...

– Имя... Погодите молодой человек, имя, – забормотала себе под нос соседка. – А! Она же мне визитку свою оставила, если, говорит, что вспомните – позвоните, пожалуйста, и про игрульки звоните, в музей их надо... Сейчас-сейчас...

Ольга Семеновна скрылась в квартире и вернулась с профессионально сделанной визитной карточкой. На ней значилось: «Валерия Евгеньевна Жерехович, искусствовед, практикующая ведьма пятого уровня». Два электронных адреса, телефоны – мобильный и городской, номер «аськи», страницы в соцсетях... Ничего особенного.

Тупик, окончательно уверился Илюша. Полный тупик. Но данные с визитки на всякий случай переписал. Уже попрощавшись с Ольгой Семеновной, он вдруг неожиданно для самого себя спросил:

– А какая у Луизы Ионовны была девичья фамилия?

– Да что ж вы все, сговорились что ли! – всплеснула руками соседка. – Не помню я! Вроде, Ковалевская... Или нет. Кувалецкая? Вот ты память... Как-то на геометрию похоже... А! Кубаревская! Точно, Кубаревская!

Часть 2

Скучно в доме, если в доме ни креста, ни ножа.

Хотел уйти, но в доме спит моя госпожа...

БГ – «Царь сна»

Восторг любви

Уверенные, сильные и вместе с тем удивительно нежные руки обвились вокруг моих плеч. Горячий рот коснулся ямочки за ухом. Меня бросило в жар. «Я уже здесь», – еле слышно пропел лукавый голос. Тихий шепот ласкал мою шею. Он то отступал, то приближался, заигрывал и проказничал, спускаясь все ниже и ниже. Жар сменился сладостным неукротимым ознобом, я закусила губу и закрыла глаза. Его руки властно, по-хозяйски развернули меня, так что я оказалась лицом к лицу со своим великолепным любовником. «Я здесь», – повторил он и прижал меня к себе. Я уже изнемогала... Судорожно вздохнув, я прижалась к нему еще теснее, запрокинула голову... и со всей дури треснулась затылком об пол.

Кошки с недовольным мявом бросились врассыпную. Тяжело дыша, я затрясла ушибленной черепушкой. Диван со вздыбленным постельным бельем, шкаф и рабочий стол

медленно, но верно останавливали свою тошнотворную карусель. Ох... Опять. Опять эти сны... Вернее, если быть точной, один и тот же сон, но в разных вариациях. Кряхтя, как старуха, и цепляясь за мебель, я поднялась с пола. Футболка и пижамные штаны были насквозь мокрыми от пота, по спине до сих пор текла щекотная капля, в ушах гудело. Я чувствовала себя совершенно обессиленной, как будто и вправду только что сошла с ложа любви, если выразаться высоким стилем, или, если быть попроще и посовременнее, вдоволь натрахалась.

Да что ж такое-то?! Подобные сны пристало смотреть томным и томимым гормонами юным девам, но уж никак не взрослой тетеньке, которая, к тому же, как вы помните, не получает удовольствия от секса. По крайней мере, до настоящего момента не получала. По крайней мере, того удовольствия, о котором со всеми придуманными глупейшими подробностями пишут в дамских романах. Собственно, для того и пишут, чтобы измочаленные ежедневным бытом тетеньки средних лет верили в сказку, разглядывая из-под своего пытящего дяденьки трещины на потолке и попутно размышляя, где бы раздобыть денег на нормальный ремонт и школьную форму для подросшего ребенка. Ну, вы поняли.

Только не думайте, что мое прохладное отношение к сексу как процессу делает меня синим чулком. Да оглянитесь: таких «чулков» вокруг – пруд пруди, но кому охота признаваться? Как те пингвины, машем и улыбаемся, улыбаем-

ся и машем. Ведь семья, дети, иномарка в кредит, квартира в ипотеку и «мужик-то он хороший, и меня любит, в будущем году детей бабушкам сдадим, в Испанию поедem, вот там-то и»... Вот там-то испанские трещины на потолке и поразглядываем.

Конечно, не у всех так. Но у многих. А мне просто в какой-то момент стало лень прикидываться и имитировать оргазмы. Да и незачем было. Большой бескорыстной любви в пору туманной юности у меня как-то не случилось. А большой корыстный интерес к обустроенной семейной жизни весь достался на долю сестры. Тем не менее, с, так сказать, механикой и внутренней логикой процесса я знакома не понаслышке, бывали у меня забавные приключения. Но ни разу в реальности я не испытывала даже слабого подобия тех ощущений и эмоций, которые одолевали меня в откровенно эротических грезах.

Эти сны, становившиеся все реальнее и ярче, исподволь и незаметно начались недели три назад. Сначала я, полностью поглощенная изготовлением куклы, даже не обратила внимания на их содержание и лишь слегка порадовалась тому, что стала запоминать свои ночные видения. Кукла отбирала все время и силы, отправив меня в очередной глубокий «запой». Я все-таки сумела прыгнуть выше головы и подчинить себе неподатливый образ. Разрозненный ворох впечатлений и озарений сложился в удивительную и прекрасную мозаику. Работа спорилась.

Обложившись анатомическими атласами и максимально крупными фрагментами распечаток фотографии моей модели, я лепила, лепила и лепила, не замечая смены дня и ночи. Невесомые пустотелые заготовки обрастали скульптурной «плотью» из папье-маше, становились все больше и больше похожими на человека, вернее, на кусочки статуи невысокого изящного мужчины с горделивой осанкой и рельефной мускулатурой. Те детали, которые нельзя было рассмотреть на фотографии, я просто додумывала, плюнув на достоверность. Я уже понимала, что точной копии фотопортрета у меня не получится. Кукел, как это часто бывает, зажил собственной жизнью.

Про себя я решила, что, если заказчик откажется от моего творения, я верну ему деньги, всю немаленькую сумму. Задвину куда подальше свои принципы и одолжусь у Эмили. Дело того стоило: эта шарнирка была моей лучшей работой за всю карьеру профессионального кукольника. Временами мне казалось, что кто-то – сам кукел? – стоит за моей спиной и направляет руки, подталкивает, объясняет, что и как надо делать, чтобы все было сделано правильно. Изумительное чувство! Ты словно напрямую включаешься в розетку параллельной Вселенной, наполненной всеми еще несделанными куклами, несочиненными стихами, ненаписанными песнями – и в тебя потоком вливается будоражащее электричество. Это покруче любого адреналина, покруче самого восхитительного секса...

Хотя в последнем я уже не была так уверена. Мой пригрезившийся любовник с каждой ночью становился настойчивее, требовательнее, изощреннее... Сны, поначалу казавшиеся всего лишь путаной нарезкой жанровых эротических сценок, превратились в бесконечно длинные, мучительно-возбуждающие, сладостные кошмары. Я тонула в тягучем медовом золоте своих жарких видений, словно насекомое, попавшее в каплю смолы. Но ни разу, ни в одном сне мне не удалось разглядеть лица и тела того, кто так нежно и жестоко играл мною, словно... О, да, словно не слишком ценной, но любимой шарниркой, которая сама еще не знает, на какие трюки способна. Просыпаясь, я обычно чувствовала себя измученной и уставшей, больше всего мне хотелось спать-спать-спать... Но взбудораженные мысли тут же приводили меня к недоделанному куклу: во сне каким-то непонятным образом я изобретала новые конструкции шарниров, максимально приближенных к чисто человеческой гибкости и подвижности. Я кидалась к столу и поспешно зарисовывала свои озарения, и начинала работать, забывала о времени, забывала обо всем, в голове была только кукла...

Я осторожно потрогала набухающую на затылке шишку от удара об пол. Если одержимость куклой привела меня в долину дурацких грез, кончающихся черепно-мозговыми травмами – ну что ж, я готова заплатить и эту цену. Подойдя к рабочему столу, я включила лампу и принялась рассматривать подсыхающие детали шарнирки. Готово было прак-

тически всё. Завтра, точнее, уже сегодня с утра, я сделаю глаза, а потом... О, потом случится самое прекрасное – первая натяжка! Так называется этап изготовления БЖД, когда детали в первый раз собираются на резинку и проверяется работоспособность шарниров, устойчивость куклы, способность принимать и удерживать естественные позы, словом, все то, что и делает шарнирку «человеком». Пробных натяжек БЖД может быть очень много, у меня их обычно случалось не менее двадцати. Всегда бывает нужно где-то подточить, что-то долепить, исправить «косяки» или переделать откровенную лажу. Но в этот раз я почему-то была уверена: никаких переделок и подгонок не потребуется, все будет просто идеально. Разобранный кукел лежал на подносе поверх включенного на малую мощность обогревателя и, казалось, просил меня поскорее его собрать. Я бережно взяла двумя пальцами пока еще пустоглазую голову. «Утром, – пообещала я ему. – Вот-вот будешь стоять на своих ногах».

Ложиться смысла уже не было. Приняв ванну и покормив кошек, я налила себе здоровенную кружку кофе, решительно выставила вон воспоминания о последнем похотливом сне и взялась за изготовление глаз. Глаза, как известно, зеркало души. Я очень хотела, чтобы у моего безымянного кукела получилась хорошая, настоящая, человеческая душа.

Вырви глаз

<http://forumbjd.ru/voprosy/sborka/raznoe?>

Пользователь: Igga-Ida. Статус: мастер. Стаж на форуме: 5 лет

Сообщение 29.10 02:12 мск: Привет, дорогие коллеги :) Давненько меня здесь не было. Вопрос: кто-нибудь сталкивался с такой проблемой – кукол «отказывается» принимать вставные глаза. Сделала 10 пар, разных цветов, разных размеров радужки-зрачка, отдельно гляделки смотрятся отлично. Вставляю в башку – караул! :(Все не то, все криво-косо, вообще ни в обоз, ни в красную армию. Замумилась уже! Хелп ми плиз – в чем может быть причина?

Пользователь: MaKosha. Статус: мастер. Стаж на форуме: 8 лет

Сообщение 29.10 11:10 мск: Привет, Идочка! А из чего глазки?

Igga-Ida: Привет, Маша! Глаза, как обычно у меня – запекаемый пластик, эпоксидка, краски. Обидно, кукол уже фактически готов, все супер-пупер, даже тонировку уже сделала, а с глазами лажа (((

Пользователь: Lii_Luu. Статус: гость. Стаж: менее года

Сообщение 29.10 14:00: Постою, послушаю...
Пользователь: MoveBaby. Статус: модератор. Стаж: 6 лет.
Сообщение 29.10 15:04: Попробуй фабричные глаза, те, которые дорогие стеклянные. Я своим малышам уже два года только такие и втыкаю)) Смотрятся – люкс! Лучшие любой эпоксидки, имхо.

Irra-Ida: Попробовала уже ((Теперь у меня куча осколков стекла повсюду. Коробка разлетелась вдребезги. Кукел капризный, как я не знаю, кто. Просто жесьь ((

MoveBaby: Ой (((

Irra-Ida: Таки ой, да (

MaKosha: А стекловидным лаком покрывать не пробовала? Он «живой» блеск дает.

Irra-Ida 30.10 03:33: Пробовала. Уже все перепробовала, кроме елея, освященного епископом))) Не хочет кукел таких глаз, хочет другие, да фиг поймешь, какие. Пошла биться апстену (

Я закрыла браузер, хлопнула крышкой ноутбука и мрачно уставилась на сидящего в позе лотоса безглазого кукела. Все форумы и сайты бжд-шников за последние три дня были изучены, рассмотрены, обнюханы и разобраны на молекулы. Рецептов решения проблемы с глазами не нашлось нигде. Коллеги давали дельные советы, но все, что они предлагали, я знала и так. Ничего не работало. Мой идеальный кукел – а он действительно получился идеальным с точки зрения механики шарниров – категорически не хотел смотреть на мир нормальным взглядом. Куча миниатюрных глаз, похожих на психоделический безумный горох, таращилась на меня из банки. С другой стороны меня гипнотизировали космически черные провалы пустых глазниц кукела. Время –

четыре утра. Настроение – дрянь. Кошки дрыхли на диване, закрыв лапами носы. Не иначе, к первым заморозкам... Ладно, надо спать... Утро вечера мудренее и вся прочая муто-
тень...

– Я уже здесь..., – пропел тихий лукавый голос.

Дальнейшее я помню смутно. Уверена в одном: я орала. Что еще происходило, думаю, каждый сможет вообразить в меру своей испорченности. Меня же увольте от подробностей... В какой-то момент его лицо оказалось прямо над моим. С бесовским, абсолютно нечеловеческим весельем на меня смотрели его глаза: синий и светло-зеленый. Я узнала его! Это был он, он! Изящный щеголь, отец мертвого ребенка... Я орала...

Утро... День... Кто я и где я? Горел верхний свет. По полу были разбросаны инструменты, эскизы, анатомические атласы, бусины, кисти, тубики с краской... Со стоном схватившись за голову, я насмерть перепугалась: там болталась какая-то дрянь. Качающейся походкой дойдя до зеркала в ванной, я ужаснулась. На виске, намертво к нему прилепившись, застряла наполовину раздавленная туба с суперклеем. Выдрать ее из волос можно было разве что вместе с кожей. Выглядела я просто чудовищно, но клей в прическе был тут ни при чем. Желтоватая, воскового оттенка физиономия, ввалившиеся щеки, огромные сиренево-черные круги под глазами, худая шея вся в рисунке набухших вен... Если полтора месяца назад, в начале одержимой работы над куклой,

мне казалось, что я похожа на востребованную вампиршу, то теперь я была похожа на зомби. И чувствовала себя, наверное, так же, как поднявшийся из могилы мертвец. Руки тряслись, перед глазами тошнотно бултыхался белесый туман, сердце то гулко жажало кузнечным молотом, то мелко-мелко стучало по ребрам заячьими лапами, дышать приходилось через силу...

Сколько времени вообще? Шаркая ногами, я вернулась в разгромленную комнату и тупо уставилась на часы. Полвосьмого... Утра или вечера? Долбаная питерская темнотища... Хоть в окно поглядеть, понять... Я застыла. На подоконнике, молитвенно сложив ладони в намасте и скрестив лодыжки, сидел кукел и умиротворенно смотрел куда-то вдаль двумя разного цвета глазами: синим и светло-зеленым.

Это было уже слишком. Ощупью найдя ножницы, я попятилась, едва не наступила на кого-то из вертевшихся под ногами кошек, и увалилась обратно в ванную. С трудом удерживая дрожь пальцев, выстригла залепленный клеем висок. Стричь пришлось практически вровень с кожей, но мне было уже наплевать. Швырнув в раковину ножницы и покрытую волосами тубу с клеем, я направилась обратно в комнату. У меня созрел план. Может, конечно, я и рехнулась, но все-таки... Решительно взяв кукела за гибкую талию, я поднесла его прямо к носу Шляпы. Не знаю, чего я ожидала. Возможно, приступа необъяснимой кошачьей ярости, как это было с фотографией в кожаной папке. Или наоборот,

припадка столь же необъяснимой урчащей любви... Ничего не произошло. Шляпа равнодушно обнюхала куклу, которую я, несмотря на всю свою рациональность, уже готова была считать воплощением дьявола на земле, отвернулась и принялась умываться. Толстая Морковка, ей я тоже сунула шарнирку, по привычке лизнула незнакомый предмет – вдруг съедобное? – после чего задрала хвост и убежала на кухню, где принялась призывно греметь пустой миской. Пучеглазая породистая Рыба вообще не проявила никакого интереса к моим заигрываниям.

Ладно. Ладно... Предположим, за неимением другой разумной версии, что я от хронического недосыпа впала в транс, и, как лунатики, бессознательно гуляющие во сне по карнизам, воткнула в башку кукла глаза. Прищурившись, я отложила в сторону эмоции и внимательно рассмотрела его лицо. Глаза сели просто идеально. Великолепно, совершенно, безукоризненно и безупречно. Это были именно его глаза, никаких других на этом слегка асимметричном лице и представить было невозможно. Собрал и пересчитав рассыпанные по полу «горохи» глазных яблок, я убедилась, что двух не хватает. Глаза были непарными, но именно в таком варианте они стопроцентно совпадали с образом куклы. Почему именно эти глаза привиделись мне в очередном безумном эротическом сне? Может, потому и привиделись, что все мысли были только о том, как быть и что делать с кукольными глазами? Так что же, получается, кукол закончен?

Реальность потихоньку возвращалась в привычные рамки. Сколько все-таки сейчас времени? Утро или вечер? В доме не было ни радио, ни телевизора. Как проверить? Тут я вспомнила о мобильнике, с датой и электронными часами. Так, 19:46, 29 октября. Значит, вечер. Получается, что безумный угар накрыл меня рано утром или днем. На трубке было несколько неотвеченных звонков. Трижды звонила Эмилия, четыре раза – Лера. Были и смс-ки от них обоих, почти идентичные по содержанию: «Возьми трубку или перезвони!». Я же с ними обеими разругалась... Надо звонить... Заодно и извинюсь, давно уже пора...

Ничто и нечто

Сумрак, бесконечный сумрак поздней осени мокрым тяжелым плащом окутывал зябнувшие плечи мира. Черное путаное кружево обнаженных ветвей царапало и разрывало истонченную плоть хмурого осеннего неба. Царапины сочились холодным гнилым дождем и мелким колючим снегом... Израненные небеса мечтали о чистых, белоснежных бинтах царицы-зимы, о ее милосердной жестокости и жестоком милосердии...

Ничто корчилося, мучительно корчилося и извивалось в вязкой грязи. Если бы могло, оно бы кричало и визжало, словно узник на дыбе. Оно было близко, уже так близко... Но проклятая девчонка вновь и вновь выскальзывала из ловушки. Девчонка оказалась гораздо сильнее... Пожалуй, в прежние времена и при должном обучении она сумела бы стать одной из лучших в тайном знании и ведовстве... А сейчас...

Сейчас ее спасала не только сила, но и глупость. Ничто высосало ее почти досуха, вдоволь напивавшись ее наслаждением и страхом. Любая другая уже превратилась бы в бездушную куклу с пустыми обращенными в никуда глазами... Но девчонка вновь и вновь поднималась, стряхивала с себя душную пыль ночных кошмаров и убегала в свой собственный тайный мир, где ничто не могло ее догнать и стрено-

жить. В этом мире она и черпала силу, а затем щедро, без оглядки выплескивала в то, что должно было стать новым воплощением жадного голода для ничто. Круг замыкался, змея хватала себя за хвост...

Ничто смутно понимало, что допустило ошибку. Но обратного пути не было, да оно и не хотело снова превратиться в до-ничто, в полное, неосознаваемое отсутствие себя самого... Но было и еще кое-что... Еле слышное эхо далеких слов, необъяснимых чувств... Любовь. Нежность. Тревога. Жалость. Скорбь. Самоотречение... Пустые, бессмысленные скорлупки... Оно было не в состоянии понять, что уже преобразается, меняется, обращается из ничто в нечто... Нечто иное...

Все люди братья, все бабы сестры...

Иона Нилович Кубаревский. 1875 (?) – дата смерти отсутствует. Год рождения тоже сомнителен, плюс-минус десять лет. Малоизвестный, а точнее, совсем неизвестный поэт и артист, фокусник, исполнитель романсов собственного сочинения. Работал в каком-то то ли передвижном провинциальном театрике, то ли вообще в цирке... Кажется, был женат. Вроде бы, осталась дочка, по имени то ли Лариса, то ли Луиза. Все зыбко, неточно, непроверяемо и непонятно. Каким чудом Валерии удалось раскопать даже эти отрывочные сведения?

Задумчиво почесав обстриженный висок, я посмотрела на лежащего в расслабленной позе разноглазого кукла. Имя Иона Нилович подходило этой нездешней физиономии, как корове седло. Лера права – это моя лучшая работа. Права и Эмилия, с несвойственной ей метафоричностью назвавшая кукла «отвратительно живым». Впрочем, сестра никогда не разделяла моего увлечения куклами. Ей подавай реальных людей, желательно побогаче. И, конечно, они обе правы в том, что лучше как можно быстрее сдать куклу заказчику, а парик, одежду, обувь и все прочее, буде понадобится, шить по заранее снятым меркам, без участия «модели».

В комнате было чисто прибрано. Лера и Лиля, приехав-

шие вчера поздно вечером после моего звонка с путаными извинениями, были взволнованы. Оказалось, я звонила им еще днем и заплетающимся языком несла что-то о глазах, окнах, пустой голове и тому подобной чуши. Я этого не помнила вообще, но история звонков на мобильнике подтверждала их слова.

Увидев меня и разгром в квартире, они обалдели окончательно. Пришлось в двух словах обрисовать ситуацию, списав все на творческий «запой», извиниться за былые и нынешние грехи, покорно кивая, выслушать все охи-ахи и принять активное участие в уборке территории и приготовлении ужина. Я не могла вспомнить, когда и что «нормально ела» в последний раз. Да мне и не хотелось есть, но, дабы не провоцировать конфликты, впихнула в себя несколько ложек супа и салата.

После мытья посуды Эмилия унеслась по своим делам, взяв с меня обещание завтра посетить ее спа-салон и «привести себя в божеский вид, все за счет фирмы, на тебя же смотреть страшно, как бомжиха». Лера осталась и показала мне свои записи об Ионе Кубаревском, который, скорее всего, и был изображен на postmortem фото. На прощание она настоятельно посоветовала мне как можно скорее связаться с заказчиком и передать ему готовую куклу «от греха подальше». Да я и сама, честно говоря, хотела сделать то же самое.

Новое письмо

Кому: busincu@gmail.net

Тема: ваша кукла готова

Текст:

Здравствуйте, Станислав!

Ваш заказ на портретную БЖД-куклу выполнен.

Когда и где я могу с Вами встретиться?

С уважением, Ираида Щецинская.

Нажав на «Отправить», я внимательно смотрела, как письмо уходит на странный адрес – единственный вид связи с заказчиком. Будет ли какой-нибудь ответ? В этом я была далеко не уверена...

Вытащив из ящика стола кожаную папку, я достала оттуда старинное фото. Иона Нилович Кубаревский с покойной дочерью... Одновременно похожий и непохожий на мою лучшую работу. Сейчас мне казалось, что обнаженный кукел выглядит более живым и уверенным в себе, чем щегольски одетый мужчина на затертом черно-белом фото. Признаки с трудом скрываемого страха, которые я разглядела еще при первом осмотре картинки, теперь просто бросались в глаза. Можно подумать, что он стоял не перед фотографом с камерой, а перед расстрельной бригадой, и курки уже взведены. Мертвый ребенок по-прежнему выглядел безнадежно мертвым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.